

Последний присяжный

Автор:

Джон Гришэм

Последний присяжный

Джон Гришэм

Гришэм: лучшие детективы Округ Форд

Девять лет назад тихий южный городок был потрясен сенсационным процессом! Наследник одной из могущественнейших семей штата получил пожизненный срок за жестокое убийство молодой красивой вдовы...

Все помнят, как он угрожал присяжным местью во время суда.

А теперь, девять лет спустя, он досрочно освобожден.

И вернулся, чтобы выполнить обещание?

Джон Гришэм

Последний присяжный

John Grisham

The Last Juror

© Belfry Holdings, Inc., 2004

© Перевод И. Я. Дорониной, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

После нескольких десятилетий упорно-неудовлетворительного и ласково-нерадивого управления газета «Форд каунти таймс» обанкротилась. Это случилось в 1970-м. Ее владелице и издательнице мисс Эмме Коудл было девяносто три года, и она доживала свой век в доме для престарелых в Тьюпело, прикованная к постели. Редактору газеты, ее сыну Уилсону Коудлу, было за семьдесят, и в голове у него, в верхней части скошенного, непропорционально длинного лба, от Первой мировой войны осталась металлическая заплатка. Заплатку закрывал аккуратный кружок вживленной темной кожи, и всю свою взрослую жизнь Уилсону Коудлу приходилось терпеть кличку Пятно. Пятно, сделай то. Пятно, сделай это. Пятно, сюда. Пятно, туда.

В молодые годы он писал о городских собраниях, футбольных матчах, выборах, судебных заседаниях, церковных мероприятиях – словом, обо всех событиях общественной жизни округа Форд. Он был отличным репортером, всегда старался докопаться до сути и обладал хорошей интуицией. Судя по всему, черепно-мозговая травма не повлияла на журналистские способности, но в какой-то момент после Второй мировой «заплатка», очевидно, сместилась, и мистер Коудл перестал писать что бы то ни было, кроме некрологов. Зато некрологи он обожал. Сочинению каждого посвящал много часов. Его длинные панегирики являли собой образцы риторической прозы, в них он подробно описывал жизненный путь даже самых незначительных представителей округа Форд. А уж материалам на смерть богатого или знаменитого гражданина отводилась вся первая полоса – такие события мистер Коудл использовал

сполна. Он не пропускал ни одних похорон, ни одних поминок и никогда не писал о покойных ничего дурного. Всякого покидающего земную юдоль он увенчивал славой. Поэтому округ Форд был лучшим местом для того, чтобы умереть. И Пятно пользовался большой популярностью, несмотря на свое безумие.

Единственный серьезный кризис в его журналистской карьере произошел в 1967 году, когда движение за гражданские права добралось наконец и до округа Форд. Газета никогда не давала ни малейшего повода заподозрить ее в расовой терпимости. Ни одно черное лицо не появилось на ее страницах, за исключением тех, которые принадлежали преступникам либо подозреваемым в совершении преступлений. Никаких объявлений о бракосочетаниях чернокожих. Никаких упоминаний о чернокожих учениках, окончивших школу с отличием, или успехах «их» бейсбольных команд. Но в 1967 году мистер Коудл сделал поразительное открытие. Проснувшись однажды утром, он вдруг осознал, что в округе Форд умирают также и чернокожие и что их уход в мир иной не получает должного отражения в прессе. Это был неизведанный океан, таивший в себе огромные возможности для автора некрологов, и мистер Коудл отважно пустился в плавание по его опасным просторам. В среду восьмого марта 1967 года «Таймс» стала первой принадлежащей белому хозяину еженедельной газетой в Миссисипи, поместившей сообщение о смерти чернокожего. На первый взгляд публикация прошла незамеченной.

На следующей неделе мистер Коудл поместил уже три «черных» некролога, и пошли разговоры. А к концу месяца над газетой нависла угроза всеобщего бойкота, читатели отказывались от подписки, рекламодатели и желающие поместить частные объявления придерживали свои деньги. Мистер Коудл прекрасно понимал, что происходит, но был слишком впечатлен своим новым статусом борца за расовое равенство, чтобы обращать внимание на такие банальные вещи, как доходы. Через полтора месяца после публикации первого исторического некролога он изложил на первой полосе крупным шрифтом свое новое издательское кредо, доходчиво объяснив публике, что намерен печатать все, что ему, черт побери, нравится, а если кому-то из белых это не по душе, пусть не рассчитывает на собственный некролог.

В Миссисипи достойный переход в мир иной – важная составляющая часть жизни как для белых, так и для черных, и мысль о том, чтобы быть упокоенным, лишившись привилегии посмертной славы, которую Пятно обеспечивал каждому своим хвалебным некрологом, для большинства белых граждан оказалась

невыносимой. Притом что никто не усомнился: он достаточно безумен, чтобы привести угрозу в исполнение.

Следующий номер газеты изобиловал обоими типами некрологов, «белыми» и «черными», все они были расположены в строго алфавитном порядке, без какой бы то ни было дискриминации. Газета разошлась полностью, и начался короткий период процветания.

Банкротство было названо вынужденным – будто кто-то мог стремиться к нему добровольно. Крупнейшим кредитором стал хозяин типографии из Мемфиса, которому газета задолжала шестьдесят тысяч долларов. Были и другие, уже более полугодом ожидавшие погашения долгов. Возвращения кредита требовал и старейший залоговый банк.

Я был в редакции новичком, но кое-какие слухи доходили и до меня. Когда низкорослый человек в остроносых туфлях с важным видом вошел через парадную дверь и заявил, что ему нужен Уилсон Коудл, я как раз сидел в приемной на столе и читал журнал.

– Он в Ритуальном доме, – сказал я.

Карлик оказался самоуверенным. Из-под полы мятого морского кителя у него явно выпирал пистолет, так носят оружие, когда хотят, чтобы его заметили. Вероятно, у него было разрешение, хотя в округе Форд оно в общем-то и не требовалось, по крайней мере в 1970 году.

– Мне необходимо передать ему бумаги, – заявил карлик, помахивая конвертом.

Я не собирался ему помогать, но и грубить карлику было неловко. Даже вооруженному.

– Мистер Коудл в Ритуальном доме, – повторил я.

– Тогда я оставляю это вам для передачи ему, – решил лилипут.

Хотя я прожил в здешних местах меньше двух месяцев, а до того учился в колледже на Севере, кое-что уже успел усвоить. Например, я понимал, что

добрые вести с нарочным не присылают. Их отправляют по почте или передают из рук в руки, но с курьером – никогда. В этих бумагах таилась какая-то неприятность, и я не хотел иметь к ней никакого отношения.

– Я не возьму ваши бумаги, – сказал я и отвел глаза.

Согласно законам природы, карликам положено быть покладистыми и мирными, этот парень не составлял исключения. Пистолет он прихватил для храбрости. Курьер с самодовольной ухмылкой окинул взглядом приемную, понял, что ситуация безвыходная, поэтому с показной театральностью засунул конверт обратно в карман и спросил:

– И где находится этот Ритуальный дом?

Я, как мог, объяснил, и он ушел. Час спустя приковылял Пятно, размахивая теми самыми бумагами и истерически завывая.

– Все кончено! Все кончено! – повторял он, передавая мне ходатайство о вынужденном банкротстве. Секретарша Маргарет Райт и репортер Харди, выбежавшие из соседней комнаты, пытались успокоить хозяина. Но он сидел в кресле, упершись локтями в колени, обхватив голову руками, и жалобно всхлипывал. Я начал читать ходатайство вслух, чтобы довести до всеобщего сведения.

В нем говорилось, что мистеру Коудлу надлежит через неделю явиться в Оксфорд для встречи с кредиторами в присутствии судьи, который и примет решение: будет ли газета продолжать функционировать до тех пор, пока опекунский совет не разберется в деле по существу. Маргарет и Харди наверняка были больше озабочены потерей работы, чем нервным срывом мистера Коудла, однако оставались рядом и сочувственно поглаживали его по плечу.

Внезапно рыдания стихли, мистер Коудл встал, закусив губу, и объявил:

– Я должен сообщить маме.

Мы, трое, переглянулись. Слабое сердце Эммы Коудл продолжало биться, едва заметно – ровно настолько, насколько требовалось, чтобы отсрочить похороны. Она не соображала даже, какого цвета желе, коим ее потчевали, жизнь округа Форд и его газеты тем паче была для нее чем-то потусторонним. Она была слепа, глуха и весила менее восьмидесяти фунтов. И вот с таким-то человеком Пятно вознамерился обсудить вопрос вынужденного банкротства. В этот момент я понял, что и сам он уже не с нами.

Снова заплакав, мистер Коудл удалился. А спустя полгода мне пришлось писать некролог в связи с его кончиной.

Поскольку у меня за плечами как-никак был колледж и в последнее время я фактически вел газету, Харди и Маргарет с надеждой воззрились на меня, ожидая полезного совета. Я журналист, а не юрист, и тем не менее пообещал отнести бумаги семейному адвокату Коудлов, чьими рекомендациями нам и следовало руководствоваться. Кисло улыбнувшись, мои коллеги вернулись к работе.

В полдень, купив упаковку пива[1 - Стандартная упаковка из шести банок. – Здесь и далее примеч. пер.] в магазине самообслуживания «Куинси» в Нижнем городе[2 - На Юге США так обычно называется беднейшая часть города, в основном населенная афроамериканцами.], районе Клэнтон, населенном чернокожими, я отправился на своем «спитфайре» прокатиться куда подальше. Стоял конец февраля, но было необычно тепло, поэтому я опустил верх машины и устремился к озеру, размышляя – не впервой – о том, что, собственно, я делаю здесь, в округе Форд, штат Миссисипи.

Я вырос в Мемфисе, потом пять лет изучал журналистику в Нью-Йорке, точнее, неподалеку, в Сиракьюсе, пока бабушке не надоело платить за мое затянувшееся образование. Выдающихся успехов в учебе я не достиг, но до окончания колледжа мне оставался всего год. Может быть, полтора. У бабушки, у Би-Би, была куча денег, однако она не любила их тратить и, кое-как вытерпев пять лет, решила, что я уже заложил основу знаний, способную обеспечить мои дальнейшие возможности. Когда бабушка перестала меня финансировать, я очень расстроился, но не жаловался – во всяком случае, ей. Я был ее единственным внуком, и перспектива унаследовать когда-нибудь ее имущество и состояние казалась счастьем.

От занятий журналистикой голова у меня болела, как с похмелья. На заре своей учебы в Сиракьюсе я честолюбиво мечтал со временем заняться журналистскими расследованиями в «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост», спасти мир от коррупции и загрязнения окружающей среды, расточительства правительства и несправедливости, от которой страдают слабые и угнетенные. Впереди мне мерещилось множество Пулитцеровских премий. После приблизительно года подобных мечтаний я увидел фильм про иностранного корреспондента, который гонялся по всему свету за войнами, соблазнял красавиц и каким-то чудом находил при этом время писать статьи, отмечаемые всевозможными наградами. Он говорил на восьми языках, носил бороду, военные ботинки и накрахмаленную форму цвета хаки, на которой ни при каких обстоятельствах не появлялось ни морщинки. Я решил стать таким журналистом. Отрастил бороду, купил ботинки и форму, попробовал учить немецкий и вести свой донжуанский список. Когда мои оценки неудержимо поползли вниз и я начал скатываться в придонную часть классного списка, меня вдруг увлекла идея работать в газете какого-нибудь маленького городка. Я не могу объяснить этого влечения, разве что дело в том, что как раз в те времена я познакомился и подружился с Ником Дайнером.

Он был родом из сельскохозяйственного района Индианы, и его семья уже несколько десятилетий владела весьма процветающей газетой окружного масштаба. Он ездил на восхитительной маленькой «альфа-ромео» и никогда не испытывал недостатка в деньгах. Мы тесно сошлись.

Ник был очень способным молодым человеком, мог бы стать врачом, юристом или инженером. Однако его единственным желанием было вернуться в Индиану и встать во главе семейного бизнеса. Это озадачивало меня до тех пор, пока однажды вечером мы не напились и он не рассказал мне, какую прибыль ежегодно получает его отец от их маленького еженедельника тиражом в шесть тысяч. Это золотая мина, утверждал он. Только местные новости, объявления о свадьбах, информация о жизни прихода, списки геройски павших на войне, спортивные новости, фотографии баскетбольной команды, немного кулинарных рецептов, немного некрологов и очень много рекламы. Ну, еще небольшая толика политики, но никакого участия в разборках. Вот и все – остается лишь подсчитывать барыши. Отец Ника был миллионером. По словам моего друга, в сфере подобной безмятежной, ненавязчивой журналистики деньги росли на деревьях.

Мне все это очень понравилось. Еще до окончания четвертого курса, которому суждено было оказаться последним, я прошел летнюю стажировку в скромном

еженедельнике некоего арканзасского городка, затерявшегося в Озаркских горах. Платили мне какую-то мелочь, но на Би-Би произвело большое впечатление то, что у меня появилась официальная работа. Каждую неделю я посылал ей свежий выпуск, добрая половина которого была написана мной. Владелец, он же редактор, он же издатель, очаровательный старый джентльмен, не мог нарадоваться, что получил репортера, жаждавшего писать. Он был весьма богат.

После пяти лет учебы в Сиракьюсе оценки мои оказались безнадежными, и колодец иссяк. Я вернулся в Мемфис, навестил Би-Би, поблагодарил за щедрость и заверил, что люблю ее. Бабушка посоветовала мне найти работу.

В то время сестра Уилсона Коудла жила в Мемфисе, и на одном из традиционных светских чаепитий они познакомились с Би-Би. Последовал обмен телефонными звонками, после чего мне велели паковать вещи и отправляться в Клэнтон, штат Миссисипи, где меня с нетерпением поджидал Пятно. Поговорив со мной часок, чтобы как-то сориентировать, он отпустил меня в свободное плавание по округу Форд.

В очередном номере Коудл поместил симпатичный маленький рассказ обо мне, с фотографией, в котором представил меня как «молодого специалиста», работающего отныне в местной «Таймс». Этот материал занял большую часть первой полосы – в те времена новостей было немного.

В статье содержались две чудовищные ошибки, последствия которых я испытывал на себе много лет. Первая, и менее значительная, состояла в том, что Сиракьюсский колледж был отныне причислен к «Лиге плюща»[3 - Так называют несколько старейших университетов США, воспитывающих интеллектуальную элиту.], во всяком случае, если верить Пятну. Он сообщил своим читателям, что я получил образование в Сиракьюсе, в университете, входящем в «Лигу плюща». Лишь месяц спустя нашелся человек, который обратил внимание на эту ошибку. Я уж начал было верить, что газету никто не читает или, что еще хуже, те, кто ее читает, – законченные идиоты.

Вторая ошибка изменила мою жизнь. При рождении я был наречен Джойнером Уильямом Трейнором и до двадцати лет упорно пытался выведать у родителей, как двум, казалось бы, интеллигентным людям пришло в голову назвать ребенка Джойнером. В конце концов кто-то проговорился, что один из моих родителей (при этом оба категорически отрицали свою ответственность) настоял на имени

Джойнер в качестве оливковой ветви мира, адресованной какому-то родственнику, с коим семейство мое состояло в наследственной вражде, но у которого, по слухам, водились деньги. Я так никогда и не увидел человека, в честь которого был назван. Он умер, не выказав ни малейшего желания сблизиться со мной, а я на всю жизнь остался с дурацким именем. Поступая в колледж, я записался Джеем[4 - По начальной букве имени Джойнер -], которая по-английски называется «джей».] Уильямом, что звучало весьма претенциозно для восемнадцатилетнего парня. Годы, связанные с Вьетнамом, бунтами ветеранов, движениями протеста и социальными сдвигами, убедили меня, что «Джей Уильям» звучит слишком корпоративно, слишком «высокопоставленно», и я стал Уиллом.

Пятно звал меня по-разному: то Уиллом, то Уильямом, то Биллом, то даже Билли, а поскольку я откликался на все имена, никогда нельзя было угадать, что еще придет ему в голову. И точно, в газете под моей улыбающейся физиономией стояло новое имя: Уилли Трейнор. Я был в ужасе. Даже в дурном сне я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь назвал меня Уилли. Ни в школе в Мемфисе, ни в колледже в Нью-Йорке я не встретил ни одного человека, которого звали бы Уилли. Я не был примерным мальчиком. Я водил «спитфайр-триумф» и носил длинные волосы.

Что я скажу теперь своим товарищам по землячеству в Сиракьюсе? А что я скажу Би-Би?

Безвылазно проведя в своей комнате два дня, я набрался храбрости и решил попросить Пятно как-нибудь это исправить. Я не знал, как именно, но это была его ошибка, черт побери. Первым, с кем я столкнулся, придя в редакцию, оказался Дейви Басс по кличке Болтун, редактор спортивного раздела.

– А что, очень современно, – сказал он. Я поплелся за ним в его кабинет в поисках совета.

– Уилли – вовсе не мое имя, – сообщил я.

– Теперь – твое.

– Меня зовут Уилл.

– Брось, здесь это понравится. Шустрый парень с Севера, с длинными волосами, в маленькой иностранной спортивной машине. Да еще, черт возьми, с таким именем, как Уилли! Здешняя публика будет считать тебя суперсовременным. Вспомни Джо Уилли.

– Кто такой Джо Уилли?

– Джо Уилли Намас.

– Ах, этот...

– Ну да, он, как и ты, янки, из Пенсильвании или откуда-то там еще, но, очутившись в Алабаме, сменил имя Джозеф Уильям на Джо Уилли. Девушки табунами ходили за ним по пятам.

Мне немного полегчало. В 1970 году Джо Намас был, пожалуй, самым знаменитым в стране спортсменом. На обратном пути, в машине, я мысленно твердил: «Уилли, Уилли», и недели через две стал привыкать к новому имени. Все называли меня Уилли и не испытывали неловкости, ведь у меня было такое простецкое имя.

Би-Би я сказал, что это мой временный псевдоним.

Выпуски «Таймс» были тонюсенькие, и я сразу понял, что дела у газетенки, перегруженной некрологами и испытывающей недостаток в новостях и рекламе, плохи. Служащие были недовольны, но терпели и сохраняли лояльность: в 1970-м в округе Форд работа на дороге не валялась. Через неделю даже мне, новичку, стало ясно, что газета убыточна. Некрологи в отличие от рекламы не оплачиваются. Пятно проводил львиную долю времени в своем заваленном бумагами кабинете, где большей частью дремал, а просыпаясь, звонил в бюро ритуальных услуг. Иногда звонили ему. Иногда родственники только что испутившего последний вздох какого-нибудь дядюшки Уилбера заезжали, чтобы вручить мистеру Коудлу длинное, цветисто написанное от руки жизнеописание новопреставившегося, которое Пятно жадно выхватывал у них из рук и почтительно нес к себе на стол.

Потом, запершись, он писал, редактировал, уточнял и переписывал до тех пор, пока текст не достигал совершенства.

Он сказал, что весь округ в моем распоряжении. В газете был еще один репортер общего профиля, Бэгги Сагс, вечно пьяный старый козел, который часами слонялся по зданию суда, расположенному на другой стороне площади, вынюхивая, собирая сплетни и попивая бурбон в маленьком «клубе» вышедших в тираж адвокатов, слишком старых и пьющих, чтобы продолжать практиковать. А Бэгги, как я вскоре выяснил, был слишком ленив, чтобы проверять информацию, полученную из своих источников, и рыть землю в поисках чего-либо интересного, так что первую полосу то и дело «украшал» какой-нибудь его занудный отчет о пограничном споре землевладельцев или об избиении жены мужем.

Маргарет, секретарша, практически руководила редакцией, деликатно, как добропорядочная христианка, позволяя Пятну думать, что босс – он. Ей было немного за пятьдесят, и она уже двадцать лет добросовестно трудилась в газете. Для «Таймс» она была скалой, якорем, стержнем, вокруг которого все и крутилось. Говорила Маргарет тихо, вела себя чуть ли не робко и с первого дня трепетала передо мной, поскольку я был из Мемфиса и пять лет учился на Севере. Я очень отпирался, чтобы никто не подумал, будто я кичусь своей «принадлежностью» к «Лиге плюща», но в то же время не возражал, чтобы местная деревенщина понимала, сколь превосходное образование получил.

Мы с Маргарет подружились, частенько сплетничали, и уже через неделю она подтвердила то, о чем я и сам подозревал: мистер Коудл действительно сумасшедший, а финансовое положение газеты – бедственное. Но, заметила Маргарет, у Коудлов есть семейный капитал!

Мне потребовалось несколько лет, чтобы раскрыть эту тайну.

В Миссисипи семейный капитал никогда не путали с богатством. Он не имел ничего общего с деньгами и прочими доходами. Семейный капитал означал положение, которое имел человек белый, получивший образование чуть выше среднего, родившийся в большом доме с колоннами – желательном окруженном хлопковыми или соевыми полями, хотя не обязательно, – выпестованный любимой черной нянькой по имени Бесси или Перл при участии слепо обожающих его дедушек-бабушек, некогда владевших предками Бесси или Перл, и с рождения впитавший строго внушенное ему представление о себе как

о представителе привилегированного общественного сословия. Земельные угодья и доверительная собственность имели кое-какое значение, но Миссисипи кишел несостоятельными аристократами, унаследовавшими лишь статус представителя рода, обладающего «семейным капиталом», который нельзя приобрести, которым владеют по праву рождения.

Адвокат Коудлов объяснил мне, в предельно сжатой форме, реальную стоимость их «семейного капитала».

– Они бедны как церковные мыши, – проговорил он, когда я, усевшись в потертое кожаное кресло, посмотрел на него поверх широченного старинного письменного стола красного дерева. Адвоката звали Уолтер Салливан из престижной фирмы «Салливан и О’Хара». Престижной для округа Форд, разумеется, – всего семь адвокатов. Изучив ходатайство о вынужденном банкротстве, юрист пустился в рассуждения о Коудлах, о деньгах, которые у них были прежде, и о том, как их неразумное управление некогда прибыльным изданием довело хозяина газеты до краха. Он произвел экскурс в семейную историю тридцатилетней давности, когда дело вела мисс Эмма: тогда у «Таймс» было пять тысяч подписчиков и все полосы газеты пестрели рекламой. Она держала в Залоговом банке депозит на полмиллиона долларов – просто так, на черный день.

Потом умер ее супруг, она вышла замуж за местного алкоголика, на двадцать лет моложе ее. Трезвый, несмотря на свою полуграмотность, он воображал себя непризнанным поэтом и эссеистом. Нежно любя, мисс Эмма сделала мужа соредактором, что позволяло ему писать длинные передовицы, изничтожая все, что двигалось, в округе Форд. Это стало началом конца. Пятно ненавидел своего отчима, чувство было взаимным, их отношения в конце концов разрешились одним из самых живописных кулачных боев в истории центральной части Клэнтонна. Битва состоялась на главной площади, на тротуаре перед редакцией «Таймс», на глазах у огромной толпы изумленных зрителей. Горожане были уверены, что голова Пятна, и без того слабая, получила в тот день дополнительную травму. Вскоре после этого он и перестал писать что бы то ни было, кроме проклятых некрологов.

Молодой муж сбежал с деньгами мисс Эммы, сердце ее было разбито, и она превратилась в затворницу.

– Когда-то это была замечательная газета, – заключил мистер Салливан. – А теперь посмотрите: подписка – менее тысячи двухсот экземпляров, долги... Словом, банкротство.

– Что будет делать суд? – спросил я.

– Постарается найти покупателя.

– Покупателя?

– Да, кто-нибудь купит ее. Округу ведь нужна газета.

Мне на память тут же пришли два человека – Ник Дайнер и Би-Би. Семья Ника разбогатела благодаря еженедельной окружной газете. Би-Би изначально располагала средствами и имела всего одного внука. Сердце у меня заколотилось – я почувствовал свой шанс.

Мистер Салливан внимательно наблюдал за мной, совершенно очевидно понимая, о чем я думаю.

– Сейчас ее можно получить почти даром, – сказал он.

– Это за сколько? – поинтересовался я с доверчивостью неопытного двадцатитрехлетнего репортера, имеющего бабу, въедливую, как щелочное мыло.

– Вероятно, тысяч за пятьдесят. Двадцать пять – за саму газету и двадцать пять, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Большая часть долгов может быть списана за несостоятельностью должника, после чего с теми кредиторами, в которых вы заинтересованы, можно начать новые переговоры. – Юрист сделал паузу, наклонился вперед, упершись локтями в стол, и приподнял седеющие брови, демонстрируя напряженную мыслительную деятельность. – Знаете, это может оказаться настоящей золотой жилой.

Би-Би не имела обыкновения вкладывать деньги в «золотые жилы», но мое непрерывное трехдневное «качание помпы» увенчалось успехом: я покидал

Мемфис с чеком на 50 000 долларов, который передал мистеру Салливану и который тот, в свою очередь, поместил на счет доверительного фонда, одновременно подав в суд ходатайство о продаже газеты. Судья, реликт, наподобие мисс Эммы, добродушно кивнул и нацарапал подпись на ордере, сделавшем меня новым владельцем «Форд каунти таймс».

Чтобы быть принятым за своего в округе Форд, нужно иметь за плечами не менее трех поколений местных жителей. Невзирая ни на какие деньги, ни на какую родословную, нельзя просто так приехать сюда и рассчитывать на доверие. Темное облако подозрительности витало над каждым пришельцем, и я не составлял исключения. Местный обычай состоял в том, чтобы проявлять едва ли не избыточную теплоту, любезность и вежливость, порой это весьма утомительно. В центре города местные жители раскланиваются и вступают в беседу с каждым встречным, спрашивают о здоровье, обсуждают погоду, приглашают прийти к ним в церковь. Они просто горят желанием общаться с приезжим.

Но они никогда по-настоящему не будут тебе доверять, если не знали твоего дедушку.

Как только распространился слух, что я, желторотый чужак из Мемфиса, купил газету за пятьдесят, а может быть, за сто или даже за двести тысяч долларов, поднялась волна слухов. Маргарет постоянно держала меня в их курсе. Поскольку я не женат, вероятно, я гомосексуалист. Поскольку я учился в Сиракьюсе, где бы этот Сиракьюс ни находился, возможно, я коммунист. Или того хуже – либерал. Поскольку я родом из Мемфиса, не исключено, что у меня есть тайное намерение посеять смуту в округе Форд.

Однако, перешептывались они между собой, я теперь держу в руках все некрологи! Стало быть, я кое-что собой представляю!

Новая «Таймс» дебютировала 18 марта 1970 года, всего через три недели после того злосчастного дня, когда в редакцию прибыл карлик с бумагами. Газета достигала почти дюйма в толщину и изобиловала таким количеством фотографий, какое не снилось ни одному окружному еженедельнику. На снимках были представлены младшие отряды бойскаутов-волчат, девочки-скауты, школьные баскетбольные команды, члены клубов садоводов и клубов любителей книг, чайных клубов, групп по изучению Библии, взрослые софтбобольные команды, совет добровольных помощников городского

управления... Десятки фотографий. Я постарался охватить чуть ли не всех жителей округа. И покойные граждане не были забыты. Некрологи отличались чрезмерной пространностью. Не сомневаюсь, Пятно был горд, хотя ничему меня не учил.

Новости – только легкие и приятные. Никаких передовиц. Людям обычно нравится читать о преступлениях, поэтому в нижнем левом углу первой полосы я открыл рубрику «Криминальные заметки». На счастье, за неделю до того были украдены два пикапа. Эти угоны я преподнес так, словно ограбили Форт-Нокс[5 - Место, где хранится золотой запас США.].

В центре первой полосы красовался довольно крупный снимок нового состава редакции, так сказать, «новых властей»: Маргарет, Харди, Бэгги Сагс, я, наш фотограф Уайли Мик, Дейви Басс Болтун и Мелани Доган – ученица выпускного класса, подрабатывавшая у нас в свободное время. Я гордился своей командой. Десять дней кряду мы работали по двенадцать часов, и наш первый выпуск имел большой успех. Мы напечатали пять тысяч экземпляров и распродали все. Би-Би я послал целую кипу, на нее это произвело огромное впечатление.

В течение следующего месяца «Таймс» постепенно обретала новый облик, я изо всех сил старался показать, какой именно вижу газету в будущем. В сельских районах Миссисипи перемен не любят, поэтому я решил не торопиться. Старая газета за пять десятков лет почти не менялась и наконец обанкротилась. Я печатал больше новостей, продавал больше места под рекламу, насыщал страницы все большим и большим количеством всевозможных фотографий. И добросовестно трудился над некрологами.

Я никогда не был склонен работать по много часов в день, но с тех пор, как стал владельцем, словно забыл о времени. Я был слишком молод и слишком занят, чтобы бояться. В двадцать три года благодаря везению, удачному стечению обстоятельств и богатой бабушке я вдруг стал хозяином еженедельной газеты. Если бы я колебался, пытался изучать конъюнктуру и искал совета у банкиров и бухгалтеров, безусловно, кто-нибудь образумил бы меня. Но когда тебе всего двадцать три, ты бесстрашен. У тебя ничего нет, а стало быть, и терять нечего.

По моим подсчетам, доходной газета могла стать через год. Поначалу прибыль увеличивалась медленно. А потом была убита Рода Кассело. Такова природа газетного бизнеса: после жестокого преступления продажи возрастают – люди жаждут знать подробности. За неделю до смерти Роды мы продавали две тысячи

четыреста экземпляров, через неделю после – почти четыре тысячи.

Это оказалось необычное убийство.

Округ Форд был мирным местом, населенным либо христианами, либо людьми, выдававшими себя за таковых. Рукопашные схватки происходили постоянно, но в основном между представителями низших слоев общества, теми, кто околачивался в пивных барах и других злачных местах. Приблизительно раз в месяц какой-нибудь неотесанный фермер, не целясь, палил в соседа или в собственную жену, и каждый выходной в черных кварталах случалась поножовщина.

Однако подобные эпизоды редко заканчивались чьей-нибудь смертью.

Я владел газетой десять лет, с 1970-го по 1980-й, и за это время нам лишь несколько раз доводилось сообщать об убийствах. Притом ни одно из них не было преднамеренным, а уж такого жестокого, как убийство Роды Кассело, в этих краях точно никогда не бывало.

Глава 2

Рода Кассело жила в общине Бич-Хилл, в двенадцати милях к северу от Клэнтон, в скромном кирпичном домике серого цвета, стоявшем вблизи узкой асфальтированной дороги. На тщательно ухоженных клумбах перед ее домом не было ни единого сорняка, широкая лужайка с густой травой, отделявшая цветник от дороги, всегда была аккуратно подстрижена, а подъездная аллея посыпана белой щебенкой. По обе стороны от аллеи в беспорядке валялись самокаты, мячи и велосипеды: двое детишек Роды проводили большую часть дня, играя на лужайке, и лишь иногда отвлекались, чтобы поглазеть на проезжавшую мимо машину. До дома ближайших соседей, мистера и миссис Диса, можно было при желании добросить мяч.

Молодой муж Роды, купивший в свое время дом, где она теперь жила с детьми, погиб в автомобильной катастрофе Техасе, и в двадцать восемь лет Рода

осталась вдовой. На полученную за мужа страховку удалось выкупить дом и машину. Остаток Рода положила в банк, чтобы иметь скромную ежемесячную ренту, которая позволяла не работать, а заниматься детьми. По многу часов в день она ухаживала за огородом, поливала цветы, пропалывала сорняки, окапывала клумбы.

Рода была домоседкой. Старушки из Бич-Хилл считали ее образцовой вдовой: всегда дома, всегда печальна, на людях показывалась лишь в церкви. Хотя в церковь можно было бы ходить и чаще, шепотом добавляли они.

Сразу после смерти мужа Рода хотела вернуться к родственникам в Миссури (ни она, ни он не были уроженцами округа Форд, работа привела их сюда), но кредит за дом был выплачен, детям здесь нравилось, соседи оказались милыми людьми, а ее родственники очень уж интересовались, сколько денег осталось от страховки. Поэтому Рода продолжала жить в округе Форд, не отказываясь от мысли уехать, но и не двигаясь с места.

Рода Кассело была красивой женщиной, когда хотела ею быть, что случалось не часто. Стройную, но отнюдь не плоскую фигуру обычно скрывало либо свободное платье из хлопка, либо широкая полотняная роба, которую она надевала, когда трудилась в саду. Женщина почти не пользовалась косметикой, длинные льняные волосы собирала в пучок и закалывала на макушке. Большую часть ее рациона составляли собственноручно выращенные, экологически чистые фрукты и овощи, поэтому цвет блестящей кожи был отменно здоровым. Обычно здесь, в округе, такая привлекательная молодая вдова являлась объектом повышенного внимания, но Рода вела затворническую жизнь.

Тем не менее после трех лет траура ее стало обуревать беспокойство. Годы шли, моложе она не становилась. Однако была слишком молода и слишком хороша собой, чтобы все субботы проводить дома, не имея иных развлечений, кроме чтения на сон грядущий. А ведь где-то там, за пределами дома, – не в Бич-Хилл, разумеется, – шла жизнь.

И вот однажды Рода наняла жившую неподалеку молоденькую негритянку присмотреть за детьми, а сама отправилась на север по федеральному шоссе, ведущему в Теннесси, туда, где, по слухам, имелись приличные бары и танцевальные клубы и где скорее всего ей не грозила встреча со знакомыми. Она с удовольствием танцевала и флиртовала, но никогда не пила лишнего и всегда возвращалась домой рано. Такие поездки два-три раза в месяц вошли у

нее в привычку.

Постепенно джинсы становились все более облегающими, танцы – все более бурными, а время возвращения все более поздним. Ее заметили, и в барах вдоль федеральной дороги о ней заговорили.

Прежде чем убить, он дважды следовал за ней до самого дома. Стоял март, и теплый атмосферный фронт принес надежду на необычно раннюю весну. Ночь выдалась темной, безлунной. Мишка, дворовый пес Кассело, первым учуял, когда тот крался за деревьями к дому. Чтобы предупредить лай и рычание, он заставил собаку замолчать навсегда.

Сыну Рода Майклу было пять лет, дочке Терезе – три. В своих одинаковых, всегда наутюженных пижамках с изображением любимых диснеевских персонажей они, не отрываясь, наблюдали за блестящими глазами матери, читавшей им историю про Иону и кита. Когда, уложив детей и поцеловав их на ночь, Рода погасила свет в их спальне, он был уже в доме.

Еще через час она выключила телевизор и заперла входную дверь, удивляясь, куда запропастился Мишка. Впрочем, он и прежде, случалось, задерживался, гоняясь по лесу за кроликами и белками. Пес спал на заднем крыльце и на заре будил ее своим воем. В спальне Рода скинула легкое платье и открыла дверь гардеробной, чтобы повесить одежду. Он поджидал ее там в темноте.

Обхватив сзади, закрыл ей рот толстой потной ладонью и сказал:

– У меня нож. Я убью и тебя, и твоих щенков! – Он помахал у нее перед глазами блестящим лезвием, зажатым в другой руке. – Поняла? – прошипел он ей в ухо.

Рода дрожала, но ей удалось кивнуть. Она не видела его, потому что он швырнул ее на пол гардеробной лицом вниз и заломил руки за спину. Потом сорвал с вешалки коричневый шерстяной шарф, подаренный когда-то старой тетушкой, и замотал ей лицо.

– Ни звука, – рычал он, – или прирежу детей! – Покончив с шарфом, он схватил ее за волосы, рывком заставил встать и поволок к кровати. Там приставил острие ножа ей к горлу и приказал: – Не сопротивляйся. Нож – вот он. – После чего разрезал трусики и начал насиловать.

Он хотел видеть ее глаза, эти прекрасные глаза, которые поразили его там, в клубе, как и роскошные длинные волосы. Дважды он угощал ее и танцевал с ней, но когда попытался обнять, она решительно отстранила его. «Попробуй теперь меня оттолкнуть», – бормотал он тихо, но так, чтобы она слышала.

«Джек Дэниелс» обеспечивал кураж часа на три, теперь от виски у него начал заплетаться язык. Он двигался медленно, не спешил, наслаждался и самодовольно бубнил что-то насчет настоящего мужчины, который сам берет все, что пожелает.

От запаха виски и пота ее тошнило, но она была слишком напугана, чтобы попытаться скинуть негодяя. Это могло его разозлить и заставить схватиться за нож. Немного придя в себя после первых минут неопишемого ужаса, Рода начала думать. Не шуметь. Чтобы дети не проснулись. Пустит ли он в ход нож, когда все будет кончено?

Его движения становились быстрее, бормотание – громче.

– Тише, детка, – не переставая сипел он, – а то познакомишься с ножиком.

Железная кровать скрипела (с непривычки, отметил он про себя) слишком громко, но ему было все равно.

Скрежет разбудил Майкла, Майкл разбудил Терезу. Дети выскользнули из своей комнаты и, крадучись, пошли по темному коридору – посмотреть, что происходит. Майкл открыл дверь спальни, увидел странного мужчину, навалившегося на его мать, и позвал: «Мама!» Мужчина на секунду замер и резко повернул голову.

Звук детского голоса ужаснул Роду, она рванулась, выкинула вперед руки и стала царапать и молотить насильника наугад. Один удар маленького кулачка пришелся ему в левый глаз и оказался болезненным настолько, что мужчина упал навзничь. Воспользовавшись моментом, Рода сорвала повязку с глаз, одновременно отталкивая его обеими ногами. Он вlepил ей пощечину и попытался опять пригвоздить к кровати.

– Дэнни Пэджит! – воскликнула она, впиваясь в него ногтями. Он снова ударил ее по лицу.

– Мама! – закричал Майкл.

– Бегите, дети! – сдавленным от боли голосом выдавила Рода.

– Заткнись! – завопил Пэджит.

– Бегите! – на сей раз громко крикнула Рода. Малыши начали пятиться, потом повернулись и стремглав бросились по коридору в кухню, а оттуда – на улицу, подальше от опасности.

В ту долю секунды, когда женщина выкрикнула его имя, Пэджит понял, что есть только один способ заставить ее молчать. Замахнувшись, он дважды всадил в нее нож, потом скатился с кровати и быстро подобрал одежду.

Засидевшиеся у телевизора мистер и миссис Дисси смотрели какую-то передачу из Мемфиса, когда на улице раздались и стали стремительно приближаться крики Майкла. Мистер Дисси выскочил на крыльцо и увидел мальчика. Пижамка была мокрой от пота и росы, а зубы стучали так, что тот не мог сказать ничего членораздельного, только повторял без конца:

– Он обижает мою мамочку! Он обижает мою мамочку!

В темноте, разделявшей их дома, мистер Дисси различил и бегущую вслед за братом Терезу. Впрочем, «бежала» она почти на месте, словно хотела одновременно и оказаться в доме соседей, и не удаляться от своего. Когда миссис Дисси наконец подобрала ее возле гаража, девочка сосала палец и была не в состоянии говорить.

Бросившись в гостиную, мистер Дисси схватил два ружья – одно для себя, другое для жены. Дети сидели на кухне, парализованные страхом.

– Он обижает мою мамочку! – механически твердил Майкл. Миссис Дисси, обняв, утешала его, заверяя, что все будет хорошо. Муж положил ружье на стол перед

ней.

– Оставайся здесь! – И выскочил на улицу.

Далеко бежать ему не пришлось. Прежде чем рухнуть в мокрую траву, Рода почти доковыляла до их дома. Она была полностью обнажена и сплошь покрыта кровью от шеи и ниже. Мистер Диси поднял ее на руки, отнес к себе на террасу, после чего крикнул жене, чтобы она увела детей в глубину дома и заперла их в спальне, – нельзя было допустить, чтобы малыши увидели мать в таком состоянии.

Когда он укладывал ее на качалку, Рода прошептала:

– Дэнни Пэджит. Это был Дэнни Пэджит.

Мистер Диси укрыл ее пледом и вызвал «скорую».

Пэджит гнал свой пикап по середине дороги со скоростью девяносто миль в час. Он был все еще пьян и чертовски напуган, хотя не хотел себе в этом признаться. Через десять минут он будет дома, в безопасности своего родового маленького королевства, известного под названием остров Пэджитов.

Паршивая мелкота! Все испортили. Ладно, нужно будет обдумать это завтра. Он сделал большой глоток «Джека Дэниелса» из очередной бутылки и почувствовал себя лучше.

Кто это был – то ли кролик, то ли маленькая собака, то ли какой-то грызун, – он так и не понял, но, когда животное выскочило из-за насыпи на обочине, не сумел правильно среагировать и слишком резко нажал педаль тормоза. Не потому, что пытался спасти жизнь зверюшки, отнюдь, он обожал подобные убийства на дороге, – просто сработал инстинкт. Задние колеса заклинило, машину повело. Дэнни не успел осознать всю опасность ситуации, крутанул руль не в ту сторону, пикап ткнулся в насыпь и завертелся, как ударившийся в ограждение гоночный карт на скоростной трассе, потом сорвался в кювет, два раза перевернулся и, наконец, врезался в сосну. Будь Дэнни трезвее, ему бы не выжить, но пьяным везет.

Он выбрался из машины через разбитое окно и долго стоял, припав грудью к капоту, – считал ушибы и царапины, прикидывал свои шансы. Одна нога, как оказалось, не двигалась, и, выкарабкавшись на дорогу, он понял, что далеко ему не уйти. Впрочем, и необходимости не было.

Прежде чем он успел что-то сообразить, его ослепила синяя мигалка полицейской машины, и вышедший из нее помощник шерифа стал осматривать место аварии, освещая его длинным черным фонарем. А по дороге уже приближались другие машины с проблесковыми маячками.

Помощник шерифа увидел кровь, уловил запах виски и потянулся за наручниками.

Глава 3

Большая Коричневая река берет свое начало где-то к югу от Теннесси и на протяжении тридцати миль течет через центральную часть округа Тайлер, штат Миссисипи, прямо, как искусственно вырытый канал. За две мили до границы с округом Форд она начинает петлять, а в том месте, где вступает на территорию округа, уже напоминает испуганную змею, отчаянно извивающуюся и неизвестно куда стремящуюся. Вода в реке густая и тяжелая от ила, течение медленное, и часто встречаются мели. Красотой Большая Коричневая не отличается. Песок и галька, покрывающие ее изрезанные берега, завалены всякими отбросами. Сотни болот и ручьев неиссякаемо питают неторопливо текущие воды реки.

Ее путешествие через округ Форд весьма кратко. В северо-восточной его части Большая Коричневая образует широкий круг, опоясывающий участок земли в две тысячи акров, и устремляется обратно, в сторону Теннесси. Круг почти замкнутый, так что земля внутри его, в сущности, представляет собой остров. Только в последний момент Большая Коричневая отклоняется, оставляя узкий перешеек, соединяющий остров с «материком».

Этот участок земли – низинной, заболоченной, поросшей соснами, эвкалиптами, вязами, дубами и покрытой мириадами ручейков, трясин и мелких озерцов, иные из которых связаны друг с другом, – и назывался «островом Пэджитов». Почва

здесь плодородная, но никто никогда не потрудился осушить и расчистить сколько-нибудь значительную ее площадь. На острове ничего не выращивали, кроме строевого леса и – в изобилии – пшеницы: для нелегального производства виски. А еще марихуаны, но это более поздняя история.

По узкой полоске земли между встречными потоками Большой Коричневой пролегла асфальтовая дорога, которая постоянно находилась под наблюдением. Она была построена давным-давно на средства округа, но мало кто из налогоплательщиков рисковал ею пользоваться.

Остров целиком находился во власти Пэджитов еще со времен восстановления Юга, когда Рудольф Пэджит, торговец коврами, приехал сюда с Севера, однако немного запоздал: лучшие земли были уже разобраны. Он долго искал, не нашел ничего привлекательного, а потом каким-то образом наткнулся на кишачий змеями остров. На карте тот выглядел многообещающе. Рудольф сколотил шайку из недавно освобожденных рабов, которые, орудуя мачете, а если требовалось, и ружьями, проложили ему путь на остров. Никто другой на него не посягал.

Рудольф женился на местной шлюхе и занялся лесозаготовками. Поскольку спрос на строевой лес после Гражданской войны был велик, дела у него пошли превосходно. Шлюха оказалась весьма плодовита, и вскоре по острову носилась ватага маленьких Пэджитов. Один из пригретых Рудольфом бывших рабов оказался мастером самогонварения, и Рудольф стал единственным, наверное, фермером, который не только не торговал зерном, но и не использовал его в собственном хозяйстве. Вместо этого он производил напиток, который вскоре приобрел известность как лучшее в этих краях виски.

Тридцать лет, вплоть до своей смерти в 1902 году от цирроза, Рудольф занимался изготовлением «паленого» виски. К тому времени клан Пэджитов, заселивший уже весь остров, процветал благодаря лесопилкам и незаконной торговле виски. По острову были разбросаны с полдюжины винокурен. Хорошо замаскированные и охраняемые, они работали на промышленном оборудовании.

Виски Пэджитов славилось повсюду, хотя, как нетрудно догадаться, к публичной известности его производители не стремились. Они были очень скрытны и преданы клану, тщательно охраняли тайну частной жизни и смертельно боялись, чтобы кто-то извне не проник, не дай бог, в их маленькое королевство и не посягнул на их очень существенные доходы. Называли они себя лесорубами,

и все прекрасно знали, что они действительно производят – весьма успешно – пиломатериалы. Здание «Деревообрабатывающей компании Пэджитов» высилось вблизи главного шоссе у реки. Семья старательно пестовала легенду о себе как о законопослушных налогоплательщиках, чьи дети посещают бесплатную школу.

В 1920–1930-е годы, когда действовал «сухой закон» и страна томилась жаждой, спрос на виски превосходил все возможности Пэджита. Самогон перевозили в дубовых бочках на пароходах по Большой Коричневой, а далее – грузовиками на Север, вплоть до Чикаго. Патриархом, президентом и директором по производству и маркетингу был старый забияка по имени Кловис Пэджит, старший сын Рудольфа и местной шлюхи. С юных лет Кловис усвоил непреложную истину: лучший доход – тот, из которого не изымаются налоги. Это был урок номер один. Второй урок состоял в том, что выгоднее всего иметь дело с наличными. Кловис был агрессивным приверженцем наличности и уклонения от налогов. Ходили слухи, что денег у Пэджитов больше, чем в казне штата Миссисипи.

В 1938 году три агента налоговой службы переправились через реку в арендованной плоскодонке, чтобы поискать источники доходов старика Пэджита. Их тайное проникновение на остров было заранее обречено на неудачу по нескольким причинам. Прежде всего порочным был сам способ переправы. Но почему-то они решили совершить свою вылазку именно в полночь. Их трупы расчленили и очень глубоко закопали.

В 1943 году в округе Форд произошло странное событие – шерифом (или верховным шерифом, как его здесь называют) был избран честный человек. Звали его Кунс Лэнтрип, и был он отнюдь не так честен, как вещал об этом с трибуны, обещая покончить с коррупцией, очистить от мошенников окружное правительство, покончить с бутлегерством и незаконным производством спиртного, в том числе принадлежащим самим Пэджитам. Речи он произносил и впрямь прекрасные, и его выбрали с перевесом в восемь голосов.

Ждать сторонникам Лэнтрипа пришлось долго, однако через полгода после вступления в должность он все же собрал своих помощников и перешел с ними на остров по единственному мосту – допотопному деревянному сооружению, возведенному округом еще в 1915 году по настоянию Кловиса. Пэджиты пользовались им иногда по весне, когда уровень воды в реке сильно поднимался. Больше никому по мосту ходить не разрешалось.

Двоих помощников убили выстрелами в голову, а тело Лэнтрипа вообще не было найдено. Три пэджитовских негра тихонечко уложили его на краю трясины. Бафорд, старший сын Кловиса, руководил «погребением».

Слухи об этой расправе несколько недель были главной новостью в Миссисипи, губернатор грозился даже отрядить в Клэнтон солдат национальной гвардии. Но шла Вторая мировая война, и вскоре новость о высадке союзных войск в Нормандии отвлекла на себя всеобщее внимание. Бойцов национальной гвардии мало осталось в стране, а те, кто был в состоянии держать оружие, не выказывали особого желания атаковать остров Пэджитов. Нормандский берег привлекал их куда больше.

Наученные благородным экспериментом честного шерифа, добропорядочные граждане округа следующим выбрали представителя старой школы. Его звали Маккей Дон Коули, и его отец был верховным шерифом в двадцатые годы, когда остров Пэджитов возглавлял Кловис. Кловис и Коули-старший были весьма близки, и все знали, что шериф разбогател потому, что Старый Пэджит имел возможность свободно пересекать границу округа. Когда Маккей Дон объявил о своем намерении баллотироваться, Бафорд послал ему пятьдесят тысяч долларов наличными. Избрание Маккея Дона прошло как по маслу. Его оппонент в предвыборных речах делал упор на свою честность.

В Миссисипи было широко распространено, но открыто не декларировалось убеждение, что хороший шериф должен быть и ловкачом, чтобы обеспечивать законность и порядок. Самопальное виски, проституция и азартные игры – всего лишь факты жизни, и шериф обязан уметь относиться к подобным явлениям с умом, чтобы регулировать их и ограждать от них добрых христиан. Пороки эти неискоренимы, так что шерифу следует лишь координировать и синхронизировать неизбежное течение греха. А за свои усилия он должен получать кое-какую мзду от грешников. Именно этого и ожидал шериф. Ожидали и его избиратели. Ни один честный человек не в состоянии существовать на такое ничтожное жалованье, как жалованье шерифа. Ни один честный человек не способен пройти через подпольный теневой мир так, чтобы тот не оставил на нем своего следа.

Большую часть того столетия, что минуло после Гражданской войны, Пэджиты содержали шерифов округа Форд. Они почти в открытую покупали их с помощью мешков денег. Маккей Дон Коули получал ежегодно сто тысяч (по слухам), а в

год выборов и вовсе имел все, что пожелает. Так же щедры Пэджиты были и по отношению к другим представителям администрации и политикам. Они им платили втихую и полностью контролировали. Взамен просили немного: Пэджиты хотели, чтобы их оставили в покое на их острове.

После Второй мировой войны спрос на подпольную алкогольную продукцию стал постепенно падать. А поскольку из поколения в поколение Пэджитов учили действовать только за рамками закона, Бафорд и его семейство стали искать другие сферы запрещенной коммерции. Торговать лишь пиломатериалами было скучно: эта деятельность слишком сильно зависела от множества рыночных факторов и – что важнее всего – не приносила пачек наличности, притока которой требовала семья. Пэджиты торговали оружием, угоняли машины, мошенничали, покупали и жгли дома, чтобы получить страховку. В течение двадцати лет они содержали высокодоходный бордель на границе округа, пока тот загадочным образом не сгорел в 1966 году.

Они были людьми творческими и предприимчивыми, постоянно что-то придумывали и изыскивали новые возможности, выслеживали кого-нибудь, кого можно ограбить. Ходили слухи, порой весьма убедительные, что Пэджиты входили в объединенную мафию Дикси[б - Объединенное название южных штатов США.] – широко раскинувшую свою сеть воровскую банду, состоявшую из местного сброда, которая свирепствовала на Юге в шестидесятые годы. Никаких подтверждений этим слухам быть не могло, многие им и не верили, в первую очередь потому, что Пэджиты были слишком скрытны, чтобы допустить кого бы то ни было в свой бизнес. Тем не менее слухи продолжали циркулировать, и Пэджиты оставались объектами бесконечных пересудов, о них сплетничали в кафе и бакалейных лавках, расположенных вокруг главной площади Клэнтон. Героями их, разумеется, не почитали, но то, что они были местной легендой, – несомненно.

В 1967 году один из молодых Пэджитов смылся в Канаду, чтобы избежать призыва. Потом перебрался в Калифорнию, где попробовал марихуану и понял, что это – вещь.

Побыв несколько месяцев «противником войны во Вьетнаме», он затосковал по дому и тайком прокрался обратно на остров Пэджитов. С собой привез четыре фунта «дури», которой угостил своих кузенов. Тем она тоже понравилась. Парень поведал остальным, что вся страна, и в первую очередь Калифорния, курит травку как сумасшедшая. Миссисипи, как всегда, отставал от моды

минимум лет на пять.

«Дурь» растет как трава, не требуя никаких затрат, ее можно собирать и отправлять в города, где на нее большой спрос. Отец парня, Джилл Пэджит, внук Кловиса, почуял безграничные возможности, и вскоре большая часть бывших пшеничных полей была засеяна коноплей. Участок земли длиной в две тысячи футов был расчищен под взлетную полосу, и Пэджиты приобрели частный самолет. Не прошло и года, как были налажены ежедневные рейсы в пригороды Мемфиса и Атланты, где Пэджиты также раскинули свою сеть. К их вящему удовольствию и с их деятельной помощью марихуана наконец вошла в моду и в южных штатах.

Производство виски почти свели на нет. С борделем было покончено. Пэджиты наладили связи с Майами и Мексикой, деньги потекли к ним рекой. В течение многих лет никто в округе Форд понятия не имел, что Пэджиты торгуют наркотиками. А когда узнали, их все равно не удалось схватить за руку. Ни один из Пэджитов никогда не предстал перед судом по обвинению в каком бы то ни было преступлении, связанном с наркотиками.

Более того, ни один из Пэджитов вообще никогда не подвергался аресту. Подумать только: сто лет подпольно производить виски, воровать, заниматься контрабандой оружия, контролировать игорный бизнес, проституцию, изготавливать фальшивки, подкупать, даже убивать – и ни одного ареста. Они были ушлыми людьми, действовали исключительно осторожно, обдуманно и умели выжидать.

А потом Дэнни Пэджит, младший сын Джилла, был арестован за изнасилование и убийство Роды Кассело.

Глава 4

На следующий день мистер Дисси рассказывал мне: удостоверившись в том, что Рода мертва, он оставил ее в качалке на террасе, а сам пошел в ванную, разделся и, встав под душ, наблюдал, как смываемая с него кровь соседки стекает в слив, после чего, переодевшись в рабочий комбинезон, стал ждать полицию и «скорую», держа под прицелом соседский дом и готовый стрелять,

если заметит там хоть малейшее шевеление. Но никакого шевеления не было, ни единого шороха оттуда не доносилось. Потом он услышал приближающийся звук сирены.

Его жена уложила детей в дальней спальне и, укрыв одеялами, легла рядом, охраняя их покой. Майкл все время спрашивал о маме и о том, кто был тот мужчина. Тереза же была слишком перепугана, чтобы говорить. Она лишь дрожала, словно замерзла, сосала палец и время от времени издавала нечленораздельный звук – не то стон, не то мычание.

Очень скоро Беннинг-роуд ожила, повсюду замигали красные и синие проблесковые маячки. Прежде чем увезти, тело Роды сфотографировали под разными углами. Вокруг ее дома поставили оцепление. Действиями помощников руководил сам шериф Коули. Не выпуская из рук ружья, мистер Дисси сделал заявление сначала следователю, потом шерифу.

Вскоре после двух часов ночи явился помощник шерифа и сообщил, что врач считает необходимым привезти детей на обследование. Они сели на заднее сиденье патрульной машины: Майкл, тесно прижавшись к мистеру Дисси, Тереза – на коленях у миссис Дисси. В больнице малышам дали легкое успокоительное и поместили в отдельную палату. Сестры принесли им молока с печеньем и не оставляли одних, пока дети не заснули. На следующий день приехала сестра Роды из Миссури и увезла племянников с собой.

Телефон зазвонил за несколько секунд до полуночи. Это был Уайли Мик, наш фотограф. Он узнал о происшествии по каналу полицейской связи и уже слонялся перед зданием тюрьмы, ожидая, когда привезут задержанного. В крайнем возбуждении он сообщил, что там полно полиции и мне необходимо срочно приехать. «Давай скорее сюда, – торопил он меня. – Это может стать настоящей бомбой!»

В то время я жил над старым гаражом, примыкавшим к разрушающемуся, но все еще величественному викторианскому зданию, известному как дом Хокутов. Его населяла орда престарелых Хокутов: три сестры и брат, которые по очереди выступали в роли моих хозяев. Их усадьба – пять акров земли – находилась всего в нескольких кварталах от центральной площади Клэнтонна и вот уже сто лет представляла собой семейный капитал. Она заросла деревьями, запущенными

цветочными клумбами, дебрями вымахавших сорняков, и во всех этих джунглях водилось столько зверья, что в пору было официально объявить ее охотничьими угодьями. Кролики, белки, скунсы, опоссумы, еноты, мириады птиц, зеленые и черные змеи всевозможных размеров – не ядовитые, как меня заверили, – и десятки кошек. Но – никаких собак. Хокуты собак ненавидели. Каждая кошка имела имя, и главным пунктом в моем устном договоре найма было требование уважать их.

Я уважал. Моя четырехкомнатная квартира на чердаке была просторной, чистой и обходилась в смешную сумму – пятьдесят долларов в месяц. Если хозяева желали, чтобы за такую щадящую арендную плату я уважал их котов, я был готов это делать.

Глава семьи, врач Майлс Хокут, несколько десятков лет практиковавший в Клэнтоне, был человеком эксцентричным. Мать умерла во время родов, и, согласно местной легенде, после ее смерти доктор Хокут стал болезненно трястись над детьми. Чтобы оградить их от внешнего мира, он состряпал самую невероятную ложь, когда-либо слыханную в округе Форд: объяснил детям, будто проклятие безумия родовое, коренится в глубине веков, поэтому они никогда не должны жениться и выходить замуж, чтобы не плодить идиотов. Дети боготворили отца, верили ему, и, вероятно, в какой-то мере он внушил им веру в собственную психическую неполноценность. Ни один из них не связал себя узами брака. Сыну, Максу Хокуту, когда он сдал мне квартиру, был восемьдесят один год. Близнецам Вилме и Джилме – по семьдесят семь, а Мелберте, «малышке», семьдесят три, и уж она-то была совершенно чокнутой.

Думаю, когда я в полночь спускался по деревянной лестнице, из кухонного окна подглядывала за мной Джилма. На нижней ступеньке, загораживая дорогу, спала кошка, и я почтительно переступил через нее, хотя мне хотелось наподдать так, чтобы та вылетела на улицу.

В гараже стояли две машины. Мой «спитфайр» с поднятым верхом – чтобы кошки не залезали внутрь – и длинный блестящий «мерседес» с красно-белыми мясницкими ножами, нарисованными на дверцах. Под ножами зеленой краской были выведены цифры. Кто-то когда-то сказал мистеру Максу Хокуту, что можно полностью окупить стоимость новой машины, если использовать ее для дела, изобразив на бортах какой-нибудь логотип. Мистер Хокут приобрел «мерседес» и стал точильщиком. Он утверждал, будто в багажнике у него инструменты.

Машине было более десяти лет, но прошла она за это время менее восьми тысяч миль. Еще одна бредовая идея, внушенная Хокутам отцом, состояла в том, что для женщины водить машину – грех, поэтому единственным шофером в семье был мистер Макс.

Я вывел свой «спитфайр» из гаража и помахал подглядывавшей из-за занавески Джилме. Та отдернула голову и скрылась. Тюрьма находилась в шести кварталах от дома. Поспать мне удалось всего полчаса.

Когда я прибыл, у Дэнни Пэджита снимали отпечатки пальцев. Контора шерифа располагалась в передней части тюремного здания и была набита его помощниками, резервистами, добровольцами-пожарными и прочим людом, имевшим хоть какое-то право носить служебную форму. Уайли поджидал меня перед входом.

– Это Дэнни Пэджит! – в большом возбуждении сообщил он.

Я задумался на мгновение.

– Кто?

– Дэнни Пэджит, с острова.

Прожив в округе Форд менее трех месяцев, я не встречал пока ни одного Пэджита. Они, как известно, жили замкнуто. Но мне уже к тому времени – а впоследствии и подавно – доводилось слышать разные версии «Легенды о Пэджитах». Рассказывать истории об этом семействе было излюбленной формой развлечения в округе.

Уайли продолжал фонтанировать:

– Я сделал несколько потрясающих снимков в тот момент, когда его выводили из машины. Он весь в крови. Обалденные будут фотографии! Девушка мертва!

– Какая девушка?

– Ну, та, которую он убил. А еще изнасиловал, по крайней мере так говорят.

– Дэнни Пэджит?! – До меня стал доходить наконец смысл сенсации. В мозгу вспыхнул заголовок – уж конечно, самый крупный и жирный за много лет существования местной «Таймс». Несчастный старина Пятно держался подальше от сенсационных историй. Вот он и разорился. У меня были другие планы.

Протиснувшись внутрь, мы стали искать шерифа Коули. За время своей недолгой работы в газете я дважды сталкивался с ним, и на меня произвели впечатление его доброжелательность и вежливость. Он называл меня «мистер», ко всем обращался не иначе как «сэр» или «мэм» – и всегда с улыбкой. Он был шерифом еще во время памятной бойни 1943 года, так что возраст наверняка приближался к семидесяти. Высокий, подтянутый, без обязательного для большинства южных шерифов толстого живота. Внешне он являл собой тип истинного джентльмена, и впоследствии, сталкиваясь с ним, я всегда задавался вопросом: как такой обходительный человек может быть таким коррумпированным? Шериф вышел из комнаты в глубине помещения, за ним помощник, а я, исполненный понимания необходимости овладеть профессиональной хваткой, бросился к нему.

– Шериф, всего пара вопросов, – твердо сказал я. Других репортеров вокруг не наблюдалось. Его ребята – официальные, неофициальные помощники, желающие стать таковыми, плохо обученные констебли в кустарно сшитых мундирах – тут же смолкли и насмешливо-недоброжелательно уставились на меня. Они все еще воспринимали меня как богатого мальчика-чужака, которому каким-то образом удалось прибрать к рукам их газету. Я не имел права вмешиваться в их дела, да еще в такой момент.

Шериф Коули, как всегда, улыбнулся так, будто подобные полуночные встречи здесь были в порядке вещей.

– Да, сэр, мистер Трейнор. – У него был низкий, глубокий голос, который действовал успокаивающе. Такой господин просто не способен лгать.

– Что вы можете рассказать об убийстве?

Сложив руки на груди, он сухим полицейским языком изложил суть событий:

- Белая женщина, тридцати одного года, подверглась нападению в собственном доме на Беннинг-роуд. Изнасилована, получила ножевые ранения, скончалась. До разговора с ее родными я не могу оглашать ее имени.

- Вы произвели арест?

- Да, сэр, но пока - никаких подробностей. Дайте нам часа два. Мы ведем следствие. Это все, мистер Трейнор.

- По слухам, вы задержали Дэнни Пэджита?..

- Я не имею дела со слухами, мистер Трейнор. Это не моя профессия. И не ваша.

Мы с Уайли поехали в больницу, попытались там что-нибудь разнюхать, но не услышали ничего, что годилось бы для печати. Потом отправились на место преступления, на Беннинг-роуд. Полицейский кордон окружал дом, несколько соседей стояли у почтового ящика за желтой оградительной лентой. Мы подошли к ним поближе, но, несмотря на все старания, не услышали ничего интересного. Люди, казалось, онемели от потрясения, так что, поглазев немного на дом, мы удалились.

Племянник Уайли служил добровольным помощником шерифа. Мы отыскивали его среди тех, кто охранял дом Дисси, - там все еще продолжался осмотр террасы и качалки, в которой Рода испустила последний вздох, - отозвали его в сторонку, за окружавшую дом живую миртовую изгородь, и он-то нам все рассказал. Разумеется, не для печати - будто в округе Форд возможно было сохранить в тайне подобные кровавые подробности.

По периметру главной площади Клэнтонна были расположены три маленьких кафе - два для белых и одно для черных. Уайли предложил сразу после открытия занять там столик и просто послушать.

Я обычно не завтракаю и в то время, когда подают завтрак, еще сплю. Ничего не имею против того, чтобы работать до полуночи, но вставать предпочитаю тогда, когда солнце уже в зените. Я быстро сообразил, что одним из преимуществ владельца маленького еженедельника является возможность работать

допоздна, но и поздно вставать. Статьи можно писать в любое время, главное – вовремя сдать номер в печать. Пятно сам, как известно, появлялся в редакции незадолго до полудня, предварительно, разумеется, заглянув в бюро ритуальных услуг. Меня такой режим вполне устраивал.

На второй день после моего вселения в квартиру над гаражом Хокутов Джилма начала колотить в дверь в половине десятого утра. Она колотила до тех пор, пока я, в исподнем, не притащился в свою крохотную кухоньку и не увидел, что она пытается заглянуть внутрь сквозь жалюзи. По словам хозяйки, она уже готова была вызвать полицию. Остальные Хокуты бродили вокруг гаража, осматривали мою машину и были уверены, что совершено преступление.

Джилма спросила, что я делаю. Я ответил, что мирно спал до тех пор, пока кто-то не начал молотить в эту проклятую дверь. Она поинтересовалась, почему это я еще сплю в половине десятого в будний день. Я потер глаза, пытаюсь придумать разумный ответ, и только тут сообразил, что стою перед семидесятитрехлетней девственницей почти голый. Она не сводила глаз с моих бедер.

Хокуты встают в пять, объяснила Джилма. В Клэнтоне никто не спит до половины десятого. Может, я перепил накануне? Они просто волновались, вот и все. Закрыв дверь, я, все еще сонный, заверил ее, что совершенно трезв, поблагодарил за беспокойство, но уведомил, что буду часто оставаться в постели после девяти утра.

В этом кафе мне уже доводилось бывать: несколько раз – не слишком рано – я пил там кофе и однажды обедал. Как владелец местной газеты я считал себя обязанным возвращаться в обществе – в разумное время, конечно, – и искренне намеревался в предстоящие годы писать об округе Форд, его людях, разных его уголках и событиях.

Уайли предупредил, что в кафе спозаранку будет куча народу.

– Как обычно после футбольных матчей и автомобильных аварий, – сказал он.

– А после убийств? – спросил я.

– Их здесь давно не бывало.

Он оказался прав: когда мы вошли, зал был забит до отказа, хотя только что пробило шесть. Уайли кое с кем обменялся приветствиями, кое с кем – рукопожатиями, кое с кем переругнулся. Он здесь был своим и знал всех. Я кивал, улыбался и ловил на себе случайные взгляды. В округе Форд требуются годы, чтобы тебя признали. Местные жители доброжелательны к посторонним, но относятся к ним настороженно.

Мы нашли два свободных места за стойкой, и я заказал себе кофе. Больше ничего. Официантка явно не одобрила меня, однако смягчилась благодаря Уайли, который попросил принести омлет, ветчину по-сельски, крекеры, овсянку и блины – во всем этом холестерина было достаточно, чтобы угробить даже мула.

Все разговоры вертелись только вокруг изнасилования и убийства, да и понятно: если даже погода способна была вызывать здесь оживленные споры, представьте себе, какую бурю подняло настоящее убийство. Сто лет Пэджиты держали округ в кулаке, пора всех их отправить в тюрьму. И для этого, если потребуется, окружить остров национальной гвардией. Маккей Дон должен уйти, слишком долго он был марионеткой в их руках, позволял этой банде мошенников гулять на свободе и думать, что закон писан не для них. Теперь вот еще и это.

О Роде говорили мало, поскольку никто о ней почти ничего не знал. Кто-то слышал, что она бывала в барах, расположенных вдоль границы округа, кто-то – будто бы она спала с каким-то здешним юристом. С кем именно – неизвестно. Просто слухи.

Слухами гудело и кафе. Парочка наиболее горластых посетителей поочередно держали трибуну, и меня поразило, как безответственно выдавали они свои версии случившегося. Жаль, что я не мог опубликовать все те диковинные сплетни, которых мы наслушались.

Тем не менее напечатали мы немало. Заголовок вверху первой полосы гласил, что Рода Кассело изнасилована и убита, а Дэнни Пэджит задержан по подозрению в совершении этого преступления. Заголовок можно было прочесть с расстояния двадцати ярдов, стоя на любом углу площади перед зданием суда.

Под заголовком были помещены два снимка: Рода в бытность старшекласницей и Пэджит в момент, когда его вели в тюрьму в наручниках. Уайли отлично ухватил момент. Снимок получился классный: Пэджит презрительно ухмылялся, глядя прямо в объектив. Кровь была у него и на лбу – след аварии, и на рубашке – след убийства. Тип выглядел мерзким, злобным, высокомерным, пьяным и безоговорочно виновным, я не сомневался, что фотография станет сенсацией. Уайли считал, что лучше бы нам этого избежать, но мне было двадцать три года – возраст, не располагающий к осторожности. Я жаждал донести до своих читателей всю правду, какой бы отвратительной она ни была. Я хотел, чтобы газета продавалась.

Фотографию Роды удалось получить через ее сестру, она жила в Миссури. Когда я первый раз разговаривал с ней по телефону, та, почти ничего не сообщив, быстро повесила трубку. Во второй раз чуточку оттаяла, сообщила, что дети находятся под наблюдением врача, что похороны состоятся во вторник, в полдень, в маленьком городке неподалеку от Спрингфилда, и что их семья горячо желает всему штату Миссисипи гореть в аду.

Я заверил, что прекрасно понимаю их чувства, и сказал, что сам я из Сиракьюса и никакого отношения к этим гадам не имею, после чего она согласилась наконец прислать фотографию.

Ссылаясь на источники, пожелавшие остаться неназванными, я подробно описал то, что произошло в предыдущую субботу на Беннинг-роуд. Сведения, в которых был уверен, я излагал прямо, без обиняков, те, которые не подтверждались фактами, обкусывал по краям и, обставив всеми необходимыми оговорками, приводил в сослагательном наклонении: как, по моим соображениям, это могло быть. Бэгги Сагс героически хранил трезвость в течение необычно долгого времени, чтобы внимательно прочесть и отредактировать материалы и тем самым уберечь нас от судебного преследования, а то и от пули.

На второй полосе мы поместили план места преступления и большую фотографию дома Роды, сделанную наутро после убийства: дом и часть сада, окруженные желтой оградительной лентой и полицейскими машинами. На

снимке были видны велосипеды и игрушки Майкла и Терезы, разбросанные по лужайке. В некотором смысле этот снимок производил даже более зловещее впечатление, чем если бы на нем был изображен труп, – такой фотографии у меня не было, хотя я и пытался ее раздобыть. Помещенный же нами снимок наглядно свидетельствовал о том, что в доме мирно жили дети, ставшие свидетелями преступления, столь чудовищного, что большинство жителей округа до сих пор не могут поверить в то, что оно действительно имело место.

Что именно успели увидеть дети? Это был самый жгучий вопрос.

Я не мог дать точного ответа, но подбирался к нему предельно близко. Описав интерьер дома и его окружение, я, опираясь на те же анонимные источники, размышлял: детская находится примерно в тридцати ярдах от спальни их матери. Дети выскочили из дома до того, как удалось выбраться самой Роде; подбегая к соседскому дому, они были в шоке, такими их увидел мистер Дисси. Майклу и Терезе потребовалась врачебная помощь, и теперь там, в Миссури, они проходят курс терапии. Следовательно, увидели они немало.

Будут ли брат и сестра выступать в качестве свидетелей на суде? Бэгги считал, что это исключено: они просто слишком малы. Но вопрос носился в воздухе, и я не обошел его стороной, чтобы подбросить читателям еще один повод для обсуждений и споров. Потоптавшись вокруг возможности появления детей в зале суда, я делал вывод, что, по мнению «экспертов», такой сценарий маловероятен. Бэгги звание эксперта чрезвычайно польстило.

Некролог на смерть Роды был длинным настолько, насколько это вообще возможно. Впрочем, учитывая традиции «Таймс», неожиданностью это ни для кого не явилось.

Во вторник мы отправили газету в печать около десяти часов вечера, на стендах вокруг главной площади она появилась в среду к семи утра. В период банкротства наш тираж не дотягивал до тысячи двухсот экземпляров, за первый месяц моего бесстрашного руководства он подскочил до двух с половиной тысяч, и цифра пять тысяч не казалась нам утопией.

Номер, освещающий убийство Роды Кассело, мы напечатали тиражом восемь тысяч и развесили повсюду – возле входов в кафе, в помещениях суда, газета легла на стол каждого окружного служащего, каждый посетитель банка имел

возможность ознакомиться с ней в ожидании завершения своей банковской операции. Три тысячи экземпляров мы разослали потенциальным подписчикам в качестве одноразовой рекламной акции.

По словам Уайли, это убийство стало в округе первым за последние восемь лет. И оказалось связанным с одним из Пэджитов... Совершенно исключительное происшествие! Я счел это дело своим звездным часом и, разумеется, не упустил возможности разгуляться по поводу шока, который происшествие произвело на общественность, и его кровавых подробностей, подав их в сенсационном ключе. Разумеется, получился типичный образчик скандальной дешевой статейки, но меня это не смущало.

Я и представить себе не мог, что ответ последует так быстро и окажется столь неприятным.

В девять часов утра в четверг главный зал на втором этаже здания окружного суда оказался переполненным. Это была епархия достопочтенного Рида Лупаса, престарелого судьи выездного суда округа Тайлер, который посещал Клэнтон восемь раз в году, чтобы вершить здесь правосудие. Если верить Бэгги – а наш репортер большую часть своей трудовой жизни околачивался в помещении суда и его окрестностях, где собирал сплетни или плодил их, – Лупас был легендарной личностью: закаленный воин, правивший железной рукой, неподкупно честный судья, которому каким-то чудом удалось уберечься от пэджитовских щупальцев. Может быть, потому, что сам был из другого округа, судья Лупас непоколебимо верил: преступники должны получать долгие сроки заключения и, предпочтительно, отбывать его на каторге, хотя не имел возможности приговаривать к такой мере наказания.

В понедельник, прямо с утра, адвокаты Пэджитов ринулись вызволять Дэнни из тюрьмы. Судья Лупас был занят на процессе, проходившем в другом округе, – в сферу его ответственности входило шесть округов, – и наотрез отказался от поспешного проведения процессуального заседания, назначив его на четверг и таким образом дав возможность городу несколько дней посудачить и поразмыслить.

Будучи представителем прессы, более того, владельцем местной газеты, я счел себя обязанным явиться пораньше и занять хорошее место. Да, чувство, которое

я испытывал, можно было назвать самодовольством: обыватели пришли сюда из любопытства, я же выполнял важную работу. Мы с Бэгги уже сидели во втором ряду, когда зал начал заполняться.

Основным защитником Дэнни Пэджита был некий тип по имени Люсьен Уилбенкс, человек, которого я вскоре горячо возненавидел. Он представлял собой то, что осталось от некогда знаменитого клана юристов, банкиров и прочая, прочая. Род Уилбенксов плодотворно трудился на благо Клэнтонна многие годы, после чего пришел Люсьен и запятнал доброе имя семьи, разрушив почти все, что ею было создано. Он строил из себя юриста-радикала, что в семидесятые годы для данного уголка мира было большой редкостью: носил бороду, ругался как извозчик, много пил и предпочитал защищать насильников, убийц и растлителей малолетних. Одного того, что он был единственным в округе членом Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, было достаточно, чтобы получить пулю в лоб. Но Люсьена это не волновало.

Люсьен Уилбенкс был резким, бесстрашным и крайне злобным. Дождавшись, пока все усядутся – как раз перед появлением судьи Лупаса, – он медленно приблизился ко мне с последним номером «Таймс» в руке и, размахивая им перед моим носом, проорал так, что зал мгновенно затих:

– Вы – сукин сын! Кем вы, черт подери, себя возомнили?

Я был настолько обескуражен, что даже не попытался ответить, и почувствовал, как Бэгги осторожно отодвинулся от меня. В зале не осталось ни одной пары глаз, которая не была бы устремлена в мою сторону; я понимал, что обязан что-нибудь сказать.

– Я всего лишь рассказываю людям правду, – выдавил я, постаравшись, насколько смог, изобразить убежденность.

– Это «желтая пресса»! – надрывался он, размахивая газетой в нескольких дюймах от моего носа. – Бульварная брехня, выдаваемая за сенсацию!

– Премного благодарен. – Как подобает поистине мудрому человеку в подобной ситуации, я не стал лезть на рожон. В зале находилось по меньшей мере пять помощников шерифа, но ни один из них не выказал ни малейшего интереса к

происходящему.

– Мы завтра же подадим на вас в суд! – сверкая глазами, сообщил Уилбенкс. – И потребуем миллион долларов в возмещение морального ущерба!

– У меня тоже есть адвокаты, – ответил я, моментально испугавшись, что вслед за Коудлами окажусь банкротом. Люсьен швырнул газету мне на колени, развернулся и пошел к своему столу. Я смог наконец вздохнуть; сердце едва не выпрыгивало из груди. Щеки пылали от смущения и страха.

Но мне удавалось сохранять на лице глупую ухмылку – нельзя же было показать здешним старожилам, что меня, редактора-издателя их газеты, можно запугать. Миллион долларов за моральный ущерб! Перед моим мысленным взором тут же предстала бабушка. Это будет трудный разговор...

За судейской скамьей послышалось какое-то шевеление, судебный пристав открыл дверь и провозгласил:

– Встать, суд идет!

Судья Лупас, в волочившейся по полу выцветшей черной мантии, протиснулся в дверь и прошаркал к своему креслу. Усевшись, он осмотрел аудиторию и сказал:

– Доброе утро. На редкость большой для процессуального заседания сбор.

Подобное мероприятие обычно не привлекало внимания публики, на нем присутствовали лишь обвиняемый, его адвокат, ну, иногда мать обвиняемого. На сей раз в зал набилось не менее трехсот человек.

Но это ведь было не просто процессуальное заседание. Оно касалось дела об изнасиловании и убийстве, и мало кто в Клэнтоне мог позволить себе пропустить такое. Однако я прекрасно отдавал себе отчет в том, что большинству горожан не удастся попасть в зал суда, они будут полагаться на «Таймс», и был полон решимости предоставить им наиболее полную информацию.

Каждый раз, когда мой взгляд падал на Люсьена Уилбенкса, я вспоминал об иске в миллион долларов. Нет, это несерьезно, он не будет преследовать в судебном

порядке мою газету. Или будет? Но за что? В моих материалах не содержалось ни клеветы, ни диффамации.

Судья Лупас сделал знак другому судебному приставу, и тот открыл боковую дверь. В зал ввели Дэнни Пэджита в наручниках, сковывавших его руки за спиной. На нем были тщательно выглаженная белая рубашка, брюки цвета хаки и мокасины. На чисто выбритом лице – никаких видимых ссадин. Ему было двадцать четыре, на год больше, чем мне, но выглядел он намного моложе: аккуратно подстриженный, привлекательный – такой юноша должен был бы учиться в колледже, невольно подумал я. Держался обвиняемый надменно и, когда с него снимали наручники, презрительно ухмыльнулся, а оглядев зал, похоже, обрадовался повышенному вниманию к своей персоне. У него был вид человека, уверенного в том, что неограниченные возможности семейного кошелька будут использованы, чтобы вытащить его из этой маленькой неприятности.

В первом ряду, прямо за его спиной, сидели его родители и разные прочие Пэджиты. Его отец Джилл, внук печально знаменитого Кловиса Пэджита, имел высшее образование и, по слухам, являлся главным «отмывателем» денег в банде. Мать Дэнни оказалась со вкусом одетой и весьма привлекательной дамой, что было странно: чтобы выйти замуж за Пэджита, войти в клан и провести остаток жизни запертой на острове, нужно быть не в своем уме.

– Я ее никогда прежде не видел, – шепнул мне Бэгги.

– А сколько раз ты видел Джилла? – спросил я.

– Пару раз за последние двадцать лет.

Обвинение от имени штата поддерживал окружной прокурор, тоже выездной, по имени Роки Чайлдерс. Судья Лупас обратился к нему:

– Мистер Чайлдерс, полагаю, штат возражает против освобождения подозреваемого под залог?

Чайлдерс встал и подтвердил:

– Да, сэр.

– На каком основании?

– На основании тяжкого характера совершенных им преступлений, ваша честь. Жестокое изнасилование жертвы в ее собственной постели на виду у ее малолетних детей и убийство, явившееся следствием по меньшей мере двух ножевых ран. А также попытка бегства обвиняемого, мистера Пэджита, с места преступления. – Чеканные формулировки Чайлдерса, как шпаги, рассекали воздух в притихшем зале. – Существует высокая вероятность того, что, выпустив мистера Пэджита из тюрьмы, мы никогда его больше не увидим.

Люсьен Уилбенкс не смог дождаться своей очереди, тут же вскочил и вступил в пререкания:

– Возражение, ваша честь! У моего подзащитного нет никакого криминального прошлого, он никогда в своей жизни не подвергался аресту.

Судья Лупас спокойно посмотрел на адвоката поверх очков и сказал:

– Мистер Уилбенкс, надеюсь, это первый и последний раз, когда вы прерываете ход заседания. Предлагаю вам сесть. Когда суд сочтет необходимым вас выслушать, вас об этом уведомят. – Судья говорил ледяным тоном, почти зло, и я подумал: интересно, сколько раз этим двоим уже приходилось схлестываться в этом самом зале?

Но Люсьена Уилбенкса невозможно было пронять ничем, шкура заступника клана была толстой, как у носорога.

Чайлдерс сделал краткий экскурс в историю. Одиннадцать лет тому назад, в 1959 году, некто Джералд Пэджит был обвинен в угоне автомобилей в Тьюпело. Потребовался год, чтобы найти двух помощников шерифа, согласившихся наконец вступить на остров Пэджитов, чтобы предъявить ордер на арест, и, хоть они остались живы, миссию свою им выполнить не удалось. Джералд Пэджит то ли улизнул из страны, то ли спрятался где-то на острове.

- Как бы то ни было, - подвел итог Чайлдерс, - его так и не нашли, тем более не арестовали.

- Ты слышал про этого Джералда Пэджита? - шепотом спросил я у Бэгги.

- Не-а...

- Если обвиняемый будет отпущен под залог, ваша честь, мы его никогда больше не увидим, - повторил Чайлдерс. - Это ясно как день, - заключил он и сел.

- Мистер Уилбенкс? - сказал судья.

Медленно поднявшись, Люсьен махнул рукой в сторону Чайлдерса.

- Обвинитель, как обычно, пытается запутать суд, - любезнейшим голосом начал он. - Не Джералда Пэджита здесь судят. Я не представляю его интересов, и мне наплевать на то, что с ним случилось.

- Следите за своими выражениями, - одернул его Лупас.

- Повторяю, здесь судят не Джералда, а Дэнни Пэджита, молодого человека, не имеющего никакого криминального прошлого.

- Ваш клиент владеет недвижимостью в этом округе? - спросил Лупас.

- Нет, не владеет. Ему всего двадцать четыре года.

- Тогда прямо к делу, мистер Уилбенкс. Я знаю, что семья вашего подзащитного имеет здесь весьма обширные владения, и соглашусь отпустить его под залог только в том случае, если все эти владения будут предоставлены в качестве обеспечения явки вашего подзащитного в суд.

- Неслыханно! - взревел Люсьен.

- Это вполне соответствует тяжести предъявленных обвинений.

Люсьен швырнул на стол свой блокнот.

– Дайте мне минуту, я должен посоветоваться с семьей моего подзащитного.

Среди Пэджитов требование судьи подняло бурю волнений. Все сгрудились вокруг стола Уилбенкса, и мнения их разделились с первого мгновения. Было почти забавно наблюдать, как эти чрезвычайно богатые мошенники трясут головами и набрасываются друг на друга. Семейные разборки бывают быстрыми и жестокими, особенно когда на кону большие деньги. Казалось, у каждого из присутствующих Пэджитов свое особое мнение относительно того, какое решение принять. Можно себе представить, каково бывает, когда они делят добычу.

Люсьен понял, что согласие маловероятно, поэтому, отвернувшись от стола, обратился к судье:

– Это невозможно, ваша честь. Земля Пэджитов принадлежит по крайней мере сорока членам семьи, большинство из которых здесь не присутствуют. Требование суда представляется необоснованным и явно чрезмерным.

– Даю вам несколько дней, чтобы обсудить его, – ответил Лупас, явно наслаждаясь произведенным им смятением.

– Нет, сэр. Это несправедливо. Мой клиент имеет право рассчитывать на разумный залог, так же как любой другой обвиняемый.

– В таком случае решение об освобождении под залог откладывается до предварительных слушаний.

– Мы отказываемся от предварительных слушаний.

– Ваше право, – кивнул Лупас, делая пометку в бумагах.

– И требуем, чтобы дело было рассмотрено Большим жури как можно скорее.

– В положенный срок, мистер Уилбенкс, так же как в случае с любым другим обвиняемым, – съязвил судья.

– Потому что мы непременно будем требовать переноса рассмотрения дела в другой округ, – с вызовом произнес Уилбенкс, словно делал важнейшее заявление.

– Немного преждевременно, вам не кажется? – парировал Лупас.

– В этом округе мой клиент не может рассчитывать на справедливый суд. – Уилбенкс шарил взглядом по залу, почти игнорируя судью, на лице которого проступило любопытство. – Все идет к тому, чтобы априори обвинить моего клиента и создать неблагоприятное общественное мнение, не дав ему возможности защитить себя. Суду следовало бы немедленно вмешаться и вынести приказ о лишении слова.

По моим представлениям, Люсьен Уилбенкс был здесь единственным, кого следовало лишить слова.

– Что вы хотите этим сказать, мистер Уилбенкс? – поинтересовался Лупас.

– Вы видели местную газету, ваша честь?

– Не в последнее время.

Все взоры обратились ко мне, и сердце мое замерло.

Продолжая свою гневную филиппику, Уилбенкс сверлил меня взглядом:

– Подробнейшая информация на первой полосе, кровавые снимки, анонимные источники, полуправда и недоговоренность – этого достаточно, чтобы обвинить любого невиновного!

Бэгги снова чуть отодвинулся от меня, я почувствовал, что остался в полной изоляции.

Картинно прошагав через зал, Люсьен швырнул экземпляр газеты на судейский стол.

– Только полюбуйтесь на это! – протрубил он.

Лупас поправил очки, поднес «Таймс» к глазам и, откинувшись на спинку кресла, принялся читать, судя по всему, ничуть не торопясь.

Читал он внимательно. В какой-то момент сердце у меня ожило и заколотилось в ритме отбойного молотка. Я почувствовал, как воротник рубашки взмок. Ознакомившись с первой полосой, Лупас развернул газету. В зале стояла мертвая тишина. А что, если он прямо сейчас велит отвести меня в тюрьму? Кивнет приставу – тот защелкнет наручники у меня на запястьях и потащит прочь. Я не был юристом и, пока судья изучал мой весьма пылкий репортаж, а весь зал, затаив дыхание, ждал его решения, испытывал невыразимый страх перед миллионным иском, коим грозил мне человек, несомненно, предъявивший не один такой на своем веку.

Ощущая на себе немало тяжелых взглядов, я предпочел сделать вид, что пишу что-то в блокноте, хотя и сам не смог бы разобрать, что я там нацарапал. Немалых усилий стоило мне сохранить невозмутимое выражение лица. Чего мне действительно хотелось, так это стремглав выскочить из зала и напрямик отправиться в Мемфис.

Наконец зашелестели страницы складываемой газеты – его честь завершил чтение. Он слегка наклонился вперед, к микрофону, и произнес слова, которым я, в сущности, обязан своей карьерой.

– Очень хорошо написано, – заключил он. – Краски, быть может, чуточку сгущены, но, безусловно, ничего противозаконного нет.

Я продолжал корябать в блокноте, будто бы ничего не слышал. Из внезапного, непредвиденного и весьма мучительного для меня столкновения с Пэджитами и Люсьеном Уилбенксом я вдруг вышел победителем.

– Поздравляю, – прошептал Бэгги.

Лупас отложил газету и позволил Уилбенксу еще несколько минут повитийствовать и побесноваться по поводу утечки информации из полиции, из офиса окружного прокурора, а в предстоящем будущем наверняка и из Большого жюри. Все эти утечки, по его мнению, каким-то образом

координировались и составляли часть заговора неких не названных им людей, одержимых решимостью несправедливо осудить его клиента. Весь этот спектакль на самом деле предназначался для Пэджитов. Уилбенксу не удалось добиться освобождения под залог, оставалось лишь произвести впечатление своим рвением.

Лупас на такое не покупался.

И вообще, как вскоре стало ясно, устроенное Люсьеном представление было не чем иным, как дымовой завесой. Он отнюдь не намеревался всерьез ходатайствовать о переводе слушаний в другой округ.

Глава 6

Покупка газеты включала и приобретение ее доисторического здания редакции. Стоимость его была ничтожна. Оно находилось на южной стороне главной площади Клэнтон и представляло собой одно из четырех разрушающихся строений, некогда в спешке прилепленных вплотную друг к другу, – длинное и узкое, трехэтажное. От цокольного этажа все мои сотрудники опасно старались держаться подальше. В передней части дома находилось несколько кабинетов, все – с облупившимися стенами, полами, покрытыми грязными плешивыми коврами, и с вековым запахом табачного дыма, навечно въевшимся в потолки.

В самой глубине, как можно дальше от редакции, располагалось помещение типографии. Каждую ночь со вторника на среду Харди, наш наборщик, верстальщик и печатник, каким-то чудом реанимировал допотопный станок и умудрялся печатать очередной тираж. В помещении, где он работал, стояла тяжелая вонь от типографской краски.

Стены обширного зала на втором этаже были застроены стеллажами, прогнувшимися под тяжестью пыльных томов, которые никто не открывал уже несколько десятилетий: это были книги по истории, сочинения Шекспира, собрание ирландской поэзии и огромное количество давно устаревших британских энциклопедий. Пятно полагал, что библиотека редакции произведет впечатление на любого, кто рискнет сюда заглянуть.

Стоя у окна и глядя сквозь грязное стекло, на котором кто-то давным-давно вывел краской слово «ТАЙМС», можно было видеть здание окружного суда и фигуру бронзового воина-конфедерата, его охранявшего. На табличке, укрепленной на пьедестале под ногами воина, были перечислены имена шестидесяти одного юноши: все они были уроженцами округа Форд, павшими в Великой войне, в основном при Шило.

Воин был виден и из окна моего кабинета, находившегося на третьем этаже. Здесь стены тоже были сплошь заставлены книжными стеллажами, где покоилась личная библиотека Пятна – весьма эклектичная. К ней, судя по всему, не прикасались так же давно, как и к библиотеке на втором этаже. Лишь спустя несколько лет я решился выкинуть кое-какие из этих книг.

В просторном кабинете царил бедлам: он был загроможден мебелью, завален не представлявшими никакой ценности артефактами, никому не нужными папками и украшен развешанными по стенам копиями портретов генералов Конфедерации. Я обожал эту комнату. Уходя, Пятно не взял с собой ничего; прошли месяцы, но ничто из его пожитков так и не было востребовано, поэтому все оставалось на своих местах, бесполезное, как и прежде. Я долго ничего не трогал, и весь этот хлам с течением времени естественным образом превратился в мою собственность. Потом я собрал личные вещи Коудла – письма, банковские декларации, записки, открытки – и сложил их в одной из пустовавших комнат в конце коридора, где они продолжали собирать пыль и медленно превращаться в труху.

В моем кабинете были две французские двери, выходившие на обширный балкон, окруженный коваными фигурными решетками. Там свободно размещались четыре плетеных кресла; устроившись в любом, можно было наблюдать за происходящим на площади. Не то чтобы там было особо за чем наблюдать, но посидеть на балконе без всякого дела, тем более с бокалом в руке, – приятно.

Выпить Бэгги был готов всегда. После ужина он принес бутылку бурбона, и мы заняли свои позиции на балконе. Город все еще полнился слухами о процессуальном заседании. Все сходились во мнении, что Дэнни Пэджита отпустят сразу же, как только Люсьен Уилбенкс и Маккей Дон Коули все уладят. Будут даны необходимые гарантии, деньги перейдут из рук в руки, шериф лично возьмет на себя ответственность за доставку парня в суд. Но у судьи Лупаса

были другие планы.

Жена Бэгги работала ночной медсестрой в отделении неотложной помощи местной больницы. Она бы работала в дневную смену, если бы весьма необременительные служебные скитания мужа по городу можно было считать работой. Супруги редко виделись, что, совершенно очевидно, устраивало обоих, поскольку ругались они постоянно. Их взрослые дети разъехались, предоставив родителям продолжать свою маленькую войну один на один. После пары стаканчиков Бэгги обычно начинал отпускать язвительные замечания в адрес жены. Ему было пятьдесят два года, но выглядел он на все семьдесят. Подозреваю, что именно пьянство было главной причиной того, что он так рано состарился и не мог обойтись без домашних распрей.

– Хорошо мы наподдали им под зад коленкой, – с гордостью заметил он. –
Никогда еще о газетных материалах не говорилось так ясно и определенно –
прямо в зале суда.

– А что значит «приказ о лишении слова»? – поинтересовался я, будучи
неопытным новобранцем, – впрочем, это ни для кого не составляло секрета, так
что не было нужды притворяться, будто я знаю то, чего на самом деле не знал.

– Никогда не видел ни одного, хотя слышал, что судьи прибегают к этому
средству, чтобы заткнуть пасть адвокатам и прочим участникам тяжбы.

– Значит, к газетам он не применим?

– Нет. Уилбенкс блефовал, вот и все. Этот парень, единственный во всем округе
Форд, является членом Американского союза борьбы за гражданские права, так
что он знает, что такое Первая поправка. Суд не имеет права запретить газете
печатать что бы то ни было. Просто у Люсьена выдался тяжелый день, он
понимал, что его подопечного не выпустят из тюрьмы, поэтому играл на
публику. Типичный для адвоката маневр. Их этому учат в институтах.

– Не думаешь, что он нам вчинит иск?

– С какого перепугу? Послушай, во-первых, нет никаких оснований для иска. Мы
никого не оклеветали, не допустили диффамации. Конечно, мы позволили себе
несколько вольную интерпретацию отдельных фактов, но это ерунда, к тому же,

весьма вероятно, мы были правы. Во-вторых, даже если бы Уилбенкс и подал на нас в суд, дело слушалось бы здесь, в округе, и судьей был бы тот самый distinguished Рид Лупас, который сегодня утром прочел все наши материалы и одобрил их. Иск был бы обречен еще до того, как Уилбенкс написал бы первую букву. Все в порядке.

Я тем не менее не чувствовал себя как человек, у которого все в порядке. Призрак миллиона долларов за моральный ущерб все еще маячил перед глазами, и я размышлял, где в случае необходимости можно было бы достать такую сумму. Однако бурбон в конце концов сделал свое дело, я расслабился. Как обычно по будним вечерам, народу на улицах Клэнтон почти не было. Магазины и учреждения вокруг площади давно закрылись.

Бэгги, как всегда, начал «расслабляться» задолго до окончания рабочего дня. Маргарет однажды сообщила мне на ушко, что он порой даже завтракает бурбоном. Они с одноногим адвокатом, которого все называли Майором, любили «принять» за чашкой утреннего кофе. Усаживались обычно на балконе майорской конторы – она располагалась тут же, на площади, напротив нашей редакции, – курили, попивали и беседовали о юриспруденции и политике, пока здание суда не оживало. Ногу Майор потерял при Гвадалканале, если верить его версии участия во Второй мировой войне. Его практика имела весьма узкую специализацию: единственное, чем он занимался, – это составлял завещания для престарелых клиентов. Причем печатал их собственноручно – секретарь ему не требовался. Работал Майор так же усердно, как Бэгги, поэтому хмельную парочку можно было часто видеть в суде, рассеянно наблюдающей за очередным занудным процессом.

– Думаю, Маккей Дон поместил парня в люкс, – сказал Бэгги. Язык у него начинал немного заплетаться.

– В люкс? – удивился я.

– Ага. Ты бывал в этой тюрьме?

– Нет.

– В такой даже скотину держать стыдно. Ни отопления, ни вентиляции, канализация и водопровод, если работают через день, – хорошо. Жуть! Пища

гнилая... И это еще в той части, которая предназначена для белых. Отделение для черных на другом конце – просто одна-единственная камера, длинная-предлинная. А вместо туалета там дырка в полу.

- Думаю, я должен туда заглянуть.

- Это позор для округа, но, как ни печально, и в соседних округах не лучше. Тем не менее есть у нас небольшая камера с кондиционером, ковром на полу, чистой постелью, цветным телевизором и отличной едой. Ее называют люксом, и Маккей Дон сажает туда только избранных.

Я мысленно делал заметки. Для Бэгги это было просто фактом здешней жизни. Для меня – недавнего студента и человека, осваивающего профессию, – сюжетом для журналистского расследования.

- Думаешь, Пэджит сидит в люксе?

- Скорее всего. Его ведь привели в суд в своей одежде.

- А обычно?..

- Обычно подсудимых приводят в оранжевых тюремных робах. Никогда не видел?

Видел. Однажды, около месяца назад, мне довелось побывать в суде, и теперь я вспомнил, что двое или трое подсудимых, дожидавшихся выхода судьи, были в разного оттенка выцветших оранжевых робах, на которых спереди и сзади были надписи: «Тюрьма округа Форд».

Бэгги сделал очередной глоток и продолжил просвещать меня:

- Видишь ли, на предварительные слушания и тому подобные мероприятия подсудимых, если их содержат в тюрьме, всегда приводят одетыми как заключенных. В былые времена Маккей Дон требовал, чтобы они и на суде сидели в тюремной одежде. Люсьен Уилбенкс однажды успешно оспорил вердикт о виновности своего подзащитного на том основании, что из-за оранжевой тюремной робы его клиент заранее выглядел виновным. И он был

прав. Мудрено убедить присяжных в невиновности подсудимого, если тот одет как заключенный, а на ногах резиновые банные тапочки.

Я еще раз подивился отсталости штата Миссисипи. Нетрудно представить себе, как чувствует себя подсудимый, особенно черный, в тюремном облачении, предназначенном для того, чтобы бросаться в глаза за полмили. «Мы все еще сражаемся на Войне» – этот лозунг мне не раз доводилось слышать в округе Форд. Стойкость сопротивления любым переменам, тем более тем, которые касались преступлений и наказаний, приводила в отчаяние.

На следующий день около полудня я отправился в тюрьму к шерифу Коули. Под тем предлогом, что мне необходимо задать ему несколько вопросов по делу Роды Кассело, я намеревался, насколько удастся, осмотреть заведение изнутри. Секретарь шерифа проинформировал меня – весьма грубо, – что у его босса совещание. Ожидание меня вполне устроило.

Двое заключенных драили кабинеты. Во дворе еще двое дергали сорняки на клумбе. Я прошел вдоль стены и, заглянув за угол, увидел небольшую площадку с баскетбольной корзиной. Шестеро заключенных топтались в тени небольшого дуба. В окне на восточной стене торчали еще три фигуры, глазевшие на меня из-за решетки.

Итак, в общей сложности тринадцать. Тринадцать оранжевых роб.

Насчет условий содержания заключенных я предварительно проконсультировался у племянника Уайли. Поначалу тот не хотел говорить, но слишком уж он ненавидел шерифа Коули, к тому же считал, что мне можно доверять. Он подтвердил то, что подозревал Бэгги: Дэнни Пэджит действительно наслаждался жизнью в кондиционированной камере и ел все, что пожелает. Одевался как хотел, играл в шахматы с самим шерифом и целыми днями звонил по телефону.

Следующий номер «Таймс» укрепил мою репутацию дотошного и бесстрашного двадцатитрехлетнего баловня судьбы. На первой полосе красовалась большая фотография Дэнни Пэджита, сделанная в момент, когда его вели в здание суда на процессуальное заседание. Он был в наручниках, но в гражданской одежде и смотрел в камеру одним из тех своих патентованных взглядов, который явно

говорил: «А пошли вы все!..» Над снимком красовалась жирная строка: «СУД ОТКАЗАЛСЯ ОТПУСТИТЬ ДЭННИ ПЭДЖИТА ПОД ЗАЛОГ». Статья под фотографией была весьма подробной.

Рядом я напечатал еще одну статью, почти такую же длинную и куда более скандальную. Цитируя неназванные источники, я в деталях описывал условия содержания мистера Пэджита в тюрьме. Перечислял все привилегии, коими он пользуется, включая возможность разделять досуг с самим шерифом за шахматной доской. Упомянул изысканное меню, цветной телевизор и неограниченный доступ к телефону – словом, все, что удалось проверить. Потом я сравнивал условия содержания мистера Пэджита с условиями содержания остальных заключенных числом двадцать один человек.

На второй полосе я поместил старую черно-белую фотографию из архива, на которой были запечатлены четверо подсудимых, препровождаемые в здание суда. Разумеется, все были в тюремных робах, в наручниках и со всклокоченными волосами. Лица этих людей я заретушировал, чтобы не нанести им, кто бы они ни были, морального ущерба, ведь их дела давным-давно закрыты.

Рядом с архивным снимком я поместил еще одну фотографию Дэнни Пэджита на пути в зал суда. Если бы не наручники, можно было бы решить, что парень отправляется на вечеринку. Контраст оказался убийственным. Было очевидно, что шериф Коули, который до сих пор отказывался говорить со мной на эту тему, совершая большую ошибку, всячески ублажал парня.

Я подробно описал предпринятые мной попытки встретиться с шерифом. Мои звонки оставались без ответа. Дважды я лично ездил в тюрьму, но не был принят. Я оставил шерифу список вопросов, которые тот проигнорировал. Словом, я нарисовал портрет энергичного молодого репортера, который отчаянно ищет правду, но которому чиновник, занимающий выборную, заметьте, должность, строит всяческие препоны.

Поскольку Люсьен Уилбенкс являлся едва ли не самым непопулярным в округе персонажем, я приплел и его. Узнав номер, который, как вскоре стало ясно, использовался для отсеивания нежелательных абонентов, я четырежды пытался связаться с адвокатом, прежде чем он соизволил мне отзвонить. Поначалу Уилбенкс отказывался комментировать что бы то ни было, связанное с его клиентом и выдвинутыми против него обвинениями, но после моих настойчивых

вопросов относительно условий содержания Дэнни Пэджита в тюрьме сорвался. «Не я управляю этой чертовой тюрьмой, сынок!» – прорычал он, и я прямо-таки увидел его налитые кровью глаза, впорывшиеся в меня. Я воспроизвел наш разговор в статье.

«– Вы встречались со своим клиентом в тюрьме? – спросил я.

– Разумеется.

– Во что он был одет?

– Вам что, больше писать не о чем?

– Считайте, что так, сэр. Так во что он был одет?

– Во всяком случае, голым он не был».

Это была очень показательная реплика, я не мог отказать себе в удовольствии выделить ее крупным шрифтом и поместить в рамке отдельно.

Я знал, что не могу проиграть, мужественно противостоя насильнику-убийце, коррумпированному шерифу и адвокату-радикалу. Отклик на публикацию был оглушительным. Бэгги и Уайли докладывали, что все кафе гудят, восторгаясь бесстрашием молодого журналиста. Пэджитов и Люсьена уже давно ненавидели. Теперь настала пора избавиться от Коули.

Маргарет сообщала, что телефоны в редакции раскалились: без конца звонили читатели, возмущенные тем, какие поблажки оказывают в камере Дэнни Пэджиту. Племянник Уайли доносил, что в тюрьме царит полный хаос, помощники Маккея Дона ополчились против него. Ну как же: он нянчился с убийцей, а 1971-й – год выборов. Общественность негодовала, и все они могли лишиться работы.

Эти две недели оказались жизненно важными для «Таймс». Читатели жаждали подробностей, и я давал им то, чего они требовали, – благодаря удачному стечению обстоятельств, слепому случаю и некоторому своему мужеству. Газета

неожиданно ожила, она стала силой. Силой, которой доверяли. Люди хотели, чтобы им обо всем детально – и без боязни – рассказывали.

Бэгги и Маргарет сказали мне, что Пятно никогда не решился бы поместить кровавые снимки и бросить вызов шерифу. Но они все еще заметно робели. Не могу похвастаться тем, что мое безрассудство заражало сотрудников «Таймс». Газета была и оставалась делом одного человека, который особой поддержки населения своего штата не ощущал.

Но меня это мало тревожило. Я трубил правду и – к чертям любые последствия! Я стал местной знаменитостью. Подписка подскочила почти до трех тысяч. Поступления от рекламы удвоились. Таким образом, я не только освещал новым светом темные углы округа, я еще и делал деньги.

Глава 7

Бомба была устроена так, что в случае взрыва нашу типографскую комнату тут же охватило бы пламя. Получив подпитку в виде различных химикатов и минимум ста десяти галлонов типографской краски, хранящихся в помещении, огонь распространился бы в мгновение ока. Буквально несколько минут – и кто знает, что осталось бы от верхних этажей дома, не оборудованного ни автоматической системой тушения, ни противопожарной сигнализацией. Возможно, ничего. Вполне вероятно, что при точном выборе времени – если бы бомба сдетонировала рано утром в четверг – сгорели бы и три соседних здания.

Бомбу, зловеще торчавшую рядом со стопкой старых газет, обнаружил наш городской сумасшедший. Точнее, один из наших городских сумасшедших. В Клэнтоне их больше чем достаточно.

Звали его Пистон, и он достался нам по наследству вместе с самим зданием, древним печатным станком и обеими не востребуемыми библиотеками. Официально Пистон не служил в редакции, но каждую пятницу неизменно появлялся, чтобы получить свои пятьдесят долларов наличными. Чеков он не признавал. За этот гонорар он иногда подметал полы, время от времени перекладывал с места на место хлам, скопившийся на подоконниках, а также выносил мусор, если кто-нибудь не выдерживал и начинал жаловаться на

беспорядок. Постоянных рабочих часов у него не было, он приходил и уходил, когда заблагорассудится, даже не думал стучать в дверь, за которой в этот момент могло происходить совещание. Еще он беззастенчиво пользовался нашими телефонами, пил наш кофе и выглядел весьма устрашающе – глаза за толстыми стеклами очков широко расставлены, огромная шоферская кепка низко надвинута на лоб, жидкая всклокоченная бородка, выдающиеся вперед чудовищно крупные зубы, – хотя на самом деле был абсолютно безобиден. Пистон оказывал санитарные услуги нескольким учреждениям, расположенным по периметру площади, и на это кое-как существовал. Никто не знал, откуда он взялся, где живет, с кем. Но чем меньше знаешь о таких людях, тем спокойнее.

Пистон явился в редакцию рано утром в четверг – у него был свой ключ – и, по его словам, сразу услышал тиканье. Потом заметил три пятигаллоновые емкости, связанные вместе и прикрепленные к деревянному ящику, стоявшему на полу. Тиканье исходило от ящика.

У большинства людей в подобной ситуации любопытство моментально сменяется страхом, но Пистону для этого потребовалось время. Осмотрев емкости, чтобы убедиться, что в них действительно бензин и что опасно выглядывшие многочисленные провода скрепляют сооружение воедино, он пошел в кабинет Маргарет и позвонил Харди, которому в течение многих лет время от времени помогал в ночь со среды на четверг печатать газету. Как он утверждал, тиканье становилось все громче.

Харди вызвал полицию. Около девяти утра и я был разбужен тревожным звонком.

Когда я прибыл в редакцию, большинство людей было эвакуировано из центра города. Пистон сидел на капоте машины, уже полностью обезумевший от дошедшей до него наконец мысли, что он только что избежал смертельной опасности. Вокруг него хлопотали какие-то приятели и водитель «скорой помощи». Такое внимание ему явно льстило.

Прежде чем полиция благополучно вынесла из помещения емкости с бензином и сложила их на дорожке позади дома, Уайли Мик успел сфотографировать бомбу.

– Разнесла бы в клочья полцентра! – Такова была его некомпетентная оценка мощности заряда. Фотограф нервно метался по месту происшествия,

запечатлевая впрок царившую вокруг суматоху.

Шеф полиции объяснил мне, что внутрь входить нельзя, потому что деревянный ящик еще не вскрыт и, что бы там ни было внутри, оно продолжает тикать.

– Может произойти взрыв, – мрачно сообщил он, словно был единственным среди присутствующих, кому достало ума оценить грозящую опасность. Его опыт по части обезвреживания бомб вызывал у меня серьезные сомнения, тем не менее я отошел. Из криминалистической лаборатории штата был вызван эксперт, который уже находился в пути. Было решено, что, пока он не приедет и не закончит свою работу, из домов, находившихся в одном ряду с нашим, необходимо всех эвакуировать.

Бомба в центре Клэнтон! Эта новость распространилась по городу быстрее, чем распространился бы огонь в случае взрыва. Всякая работа была приостановлена, все административные учреждения, банки, магазины и кафе опустели, и вскоре большая толпа народу собралась на безопасном расстоянии, у южной стены здания суда под развесистыми дубами. Все глазели на наш маленький домик с тревогой и страхом, однако не без надежды на необычное зрелище. Жители Клэнтон никогда еще не видели, как взрывается бомба.

К клэнтонской полиции присоединилась служба шерифа, прибыли вообще все местные люди в форме, и все суетились, бессмысленно бегая взад-вперед. Шериф Коули и шеф полиции сходились, что-то тихо обсуждали, поглядывая в сторону толпы на противоположной стороне площади, лающими голосами отдавали какие-то приказы направо и налево, но, если хоть один из них и выполнялся, заметно это не было. Зато было совершенно очевидно, что ни у города, ни у штата нет квалифицированных сил для обезвреживания бомб.

Бэгги требовалось выпить. Для меня было слишком рано, тем не менее я последовал за ним в глубь здания суда. Мы поднялись по узкой лесенке, которой я прежде не замечал, прошли по захламленному коридору, преодолели еще ступенек двадцать и оказались в грязной камере с низким потолком.

– Когда-то это была комната присяжных, – объяснил Бэгги. – Потом здесь хранилась юридическая библиотека.

– А теперь? – поинтересовался я, почти страхась услышать ответ.

- Теперь - «барристерская». Смекаешь? Бар-ристерская: бар для барристеров.

- Понял. - В комнате имелся карточный стол со складными ножками, по его потертому виду можно было догадаться, что им активно пользовались много лет. Вокруг стола стояла дюжина разнокалиберных стульев, судя по всему, немало поскитавшихся на своем веку по разным конторам, потом окончательно списанных и наконец нашедших последний приют в этой грязной дыре.

В углу притулился холодильник с навесным замком, от которого у Бэгги, конечно же, имелся ключ. Он тут же вытащил из холодильника бутылку бурбона, щедро плеснул себе в картонный стаканчик и сказал:

- Тащи себе стул. - Мы подвинули два стула к окну, под которым расстилалась сцена, только что нами покинутая. - Неплохой обзор, а? - с гордостью произнес Бэгги.

- Как часто ты сюда приходишь?

- Пару раз в неделю, иногда чаще. По вторникам и четвергам мы здесь играем в покер.

- И кто же входит в ваш клуб?

- Это тайное общество. - Он сделал глоток и жадно облизнул губы, как человек, месяц скитавшийся в пустыне. Вдоль окна свисала густая паутина, по которой полз паук. На подоконнике лежал слой пыли толщиной не меньше дюйма.

- Похоже, они теряют самообладание, - сказал Бэгги, с любопытством наблюдая за происходящим внизу.

- Они? - почти с ужасом спросил я.

- Ну да, Пэджиты. - Он пояснил это с некоторым самодовольством и сделал паузу, наслаждаясь моей реакцией.

- Ты уверен, что это их рук дело?

Бэгги считал, что знает все, и в половине случаев был прав. Он ухмыльнулся, фыркнул, отхлебнул еще, потом ответил:

- Пэджиты испокон века жгли дома. Это их конек - мошенничество со страховкой. Они выколотили из страховых компаний чертову прорву денег. - Глоток. - Странно, однако, что они использовали бензин. Более ловкие поджигатели его не жалуют, слишком легко распознать по запаху. Ты это знал?

- Нет.

- Это так. Опытный пожарник учует бензин через минуту после того, как рассеется дым. Бензин - значит, поджог. Поджог - значит, никакого страхового возмещения. - Глоток. - Правда, в данном случае, возможно, они сознательно хотели дать тебе понять, что это поджог. В этом есть смысл, не так ли?

Только не в данный момент. Я был слишком потрясен, чтобы говорить.

Бэгги это было на руку - он любил просвещать собеседника в монологической форме.

- Если хорошенько подумать, может, потому-то бомбу и не взорвали. Им нужно было ее просто продемонстрировать. А если бы произошел взрыв, округ лишился бы газеты, многих это бы огорчило. Некоторых, впрочем, и обрадовало бы.

- Ну, спасибо!..

- В любом случае такое объяснение представляется разумным. Это был небольшой акт устрашения.

- Небольшой?

- Конечно - по сравнению с тем, что могло быть. Поверь, эти ребята знают, как жечь дома. Тебе повезло.

Я отметил, как быстро Бэгги отмежевался от газеты. Повезло «мне», а не «нам».

Бурбон подбирался все ближе к его мозгам и развязывал язык.

– Года три, может, четыре назад на одной из их лесопилок, возле острова, на шоссе номер 401, был пожар. На самом острове они никогда ничего не жгли, потому что не хотели, чтобы официальные лица совали туда свой нос. Так или иначе, страховая компания учуяла запашок, отказалась платить, и Люсьен Уилбенкс вчинил ей крупный иск. Дело дошло до суда. Председательствовал distinguished Рид Лупас. Я слышал каждое слово. – Он с чувством удовлетворения медленно заглотив враз полстакана.

– Кто выиграл?

Бэгги проигнорировал мой вопрос, потому что сюжет, с его точки зрения, не получил еще должного развития.

– Пожар был сильнейший. Все пожарные расчеты Клэнтон, добровольцы из Карауэя, вообще все машины с сиренами помчались к острову. Ничто не заставляет проснуться здешних парней так, как хороший пожар. Ну, еще, наверное, бомба, только я не припомню, когда ее здесь находили в последний раз.

– И?..

– Шоссе номер 401 тянется по низине вблизи острова, это настоящее болото. Через Мэсси-Крик переброшен мост. Но когда пожарные машины примчались к нему, оказалось, что поперек моста лежит перевернутый на бок пикап. Путь был перекрыт, а объезда там нет – кругом болото. – Он почмокал губами и стал снова наливать себе из бутылки. Тут бы мне и вставить что-нибудь, но, что бы я ни сказал, Бэгги не обратил бы на это никакого внимания. Подгонять его было бесполезно.

– И чей же это был пикап? – все же поинтересовался я. Но не успел я закончить фразу, как Бэгги замотал головой, давая понять, что вопросы неуместны.

– Полыхало там как в аду. Из-за того, что какой-то клоун бросил свой пикап на дороге, пожарные машины вынуждены были повернуть обратно. Ни шофера, ни владельца так и не нашли, потому что машина не была зарегистрирована. Нигде никаких отметок о выписанных штрафах. Номер на двигателе спилен. И никто не заявлял об угоне. Ранее пикап в аварии не попадал. Все это было обнародовано

во время суда. Все знали, что Пэджиты сами устроили пожар, сами положили пикап на дороге, чтобы заблокировать проезд, но страховой компании не удалось это доказать.

Внизу под окном шериф Коули, вооружившись мегафоном, просил всех отойти подальше от тротуара перед нашей редакцией. Его пронзительный голос делал обстановку еще более взвинченной.

– Так страховая компания все-таки выиграла? – Мне не терпелось узнать финал истории.

– Черта с два! Это был тот еще суд. Он продолжался три дня. Уилбенкс всегда может договориться с одним-двумя членами жюри. Делал это много лет и ни разу не был пойман за руку. Кроме того, он всех в округе знает. А представители страховщиков приехали из Джексона, и у них не было здесь никаких рычагов. Просоветовавшись два часа, жюри вынесло вердикт в пользу истца. Сто штук, а для ровного счета – еще миллион долларов штрафных убытков.

– Миллион сто тысяч?!

– Хорошо считаешь. Это был первый миллионный вердикт в округе Форд. Он висел над компанией целый год, пока Верховный суд не взял в руки топор и не урезал штраф.

Мысль о том, что Люсьен Уилбенкс имеет такое влияние на присяжных, не утешала. Забыв на миг о своем бурбоне, Бэгги разглядывал что-то там, внизу.

– Плохой знак, сынок, – сказал он наконец. – Действительно плохой.

Я был его начальником, и мне не нравилось обращение «сынок», но я пропустил его мимо ушей: в настоящий момент были заботы поважнее.

– Значит, устрашение? – спросил я.

– Ага!.. Пэджиты редко покидают остров. Тот факт, что они перенесли свой маленький спектакль на нашу площадку, означает готовность к войне. Если они решились запугивать газету, значит, постараются проделать то же самое и с

присяжными. А шериф уже у них в руках.

- Но Уилбенкс заявил, что будет требовать переноса слушаний в другое место.

Бэгги ухмыльнулся и вспомнил о своем бурбоне.

- Не верь ему, сынок.

- Пожалуйста, называй меня Уилли. - Забавно, но я привык-таки к своему новому имени.

- Не верь ему, Уилли. Парень виновен, и единственный шанс для него - присяжные, которых можно купить или запугать. Десять против одного, что суд состоится здесь, в этом самом здании.

Прождав два часа момента, когда содрогнется земля, публика проголодалась. Толпа рассеялась, люди начали расходиться. Прибыл наконец эксперт из криминалистической лаборатории штата и проследовал в нашу типографию. Мне в здание войти не позволили, чему я только обрадовался.

Маргарет, Уилли и я ели сандвичи, сидя в бельведере на лужайке перед зданием суда. Мы жевали медленно, лишь изредка перекидывались короткими репликами и не сводили глаз со своей редакции. Время от времени кто-нибудь, заметив нас, останавливался и неуклюже пытался заговорить. Но что скажешь жертвам бомбежки, когда она еще не закончена? У жителей города - слава богу - не было опыта в подобных делах. Мы получили несколько выражений сочувствия и еще меньше предложений помощи.

Шериф Коули просеменил через площадь и отчитался. Часы внутри ящика представляли собой механический заводной будильник, какие продаются в любом магазине. После беглого осмотра эксперт пришел к выводу, что у злоумышленников была проблема с проводкой. Он назвал ее любительской.

- Как вы собираетесь вести расследование? - с раздражением спросил я.

- Снимем отпечатки пальцев, поищем свидетелей. Как обычно.

– Вы будете опрашивать Пэджитов? – с еще большим раздражением поинтересовался я. На меня ведь смотрели мои подчиненные. И, хоть был напуган до смерти, я хотел произвести на них впечатление своим бесстрашием.

– Вам известно что-либо, чего не знаю я? – парировал шериф.

– Но они ведь подозреваемые, не так ли?

– Может быть, теперь вы у нас шериф?

– Они самые опытные поджигатели в округе, они безнаказанно в течение многих лет жгли здесь дома. Их адвокат угрожал мне на прошлой неделе непосредственно в зале суда. Мы дважды печатали материалы о Дэнни Пэджите на первой полосе. Если после всего этого не они являются подозреваемыми, кто же тогда?

– Ну что ж, вперед, напечатайте все, что вы сейчас сказали, сынок. И назовите их по фамилии. Кажется, вы нарываетесь на судебный иск.

– О газете я как-нибудь позабочусь, – огрызнулся я. – Ваше дело – ловить преступников.

Коули поклонился Маргарет, коснувшись пальцем шляпы, и удалился.

– Следующий год – год выборов, – заметил Уайли, наблюдая, как шериф, остановившись у питьевого фонтанчика, болтает с двумя дамами. – Надеюсь, у него найдется конкурент.

Акции устрашения продолжились, на сей раз жертвой стал Уайли. Он жил в миле от города, где его жена, устроив на пяти акрах земли любительскую ферму, разводила уток и выращивала дыни. В тот вечер, припарковавшись на подъездной аллее, Уайли выходил из машины, когда из кустов выскочили и напали на него два головореза. Тот, что покрупнее, сбил его с ног и ударил ногой в лицо, другой между тем залез на заднее сиденье и вытащил оттуда две фотокамеры. Пятидесятивосьмилетний Уайли в прошлом был морским пехотинцем, и в какой-то момент ему удалось лягнуть молотившего его бандита так, что тот упал. Завязалась потасовка в партере, но, когда Уайли стал

одерживать верх, второй подонок шарахнул его по голове его же камерой. После этого Уайли уже не мог сопротивляться.

Его жена услышала наконец шум, выскочила и нашла мужа на земле, в полубессознательном состоянии. Вокруг валялись обломки фотоаппаратов. Кое-как притащив его в дом, она приложила лед к ссадинам на лице и проверила, целы ли кости. Бывший морской пехотинец ехать в больницу наотрез отказался.

Прибыл помощник шерифа, составил протокол. Уайли лишь мельком видел своих обидчиков, но был уверен, что никогда прежде с ними не встречался.

– Они уже давно вернулись к себе на остров, – сказал он. – Вам их никогда не найти.

Жене все же удалось уговорить его, и час спустя они позвонили мне из больницы. Я увидел своего фоторепортера после рентгена. Его лицо представляло собой сплошное месиво, но он держался и даже делал попытки улыбнуться. Схватив за руку и притянув меня к себе, разбитыми и распухшими губами он произнес:

– На следующей неделе – на первой полосе.

Покинув больницу, я отправился на машине в дальнюю прогулку по окрестностям города. По пути то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, ожидая, что наемники Пэджитов будут преследовать меня, сверкая стволами.

Нельзя сказать, что округ Форд являл собой царство беспредела, где организованная преступность держала в страхе законопослушных граждан. Напротив, преступления здесь случались редко. И коррупцию все осуждали. В сложившейся ситуации правда была на моей стороне, и я решил: будь я проклят, если позволю себе уступить бандитам. Куплю пистолет. Черт возьми, в этом округе у каждого есть два, а то и три ствола. А понадобится, так найму себе что-то вроде охраны. И газета моя по мере приближения судебного процесса будет становиться все смелее.

Еще до банкротства Коудла и моего неправдоподобно стремительного восхождения к вершинам славы в масштабе округа Форд я услышал увлекательнейший рассказ об одной местной семье. Пятно никогда не ухватился бы за него, потому что для этого требовалась некоторая исследовательская работа, для чего, в свою очередь, необходимо было пересечь железнодорожное полотно.

Теперь, когда газета принадлежала мне, я решил, что было бы глупо пройти мимо такого материала.

В районе, населенном цветными – Нижнем городе, – жила необычная пара, Калия и Исав Раффин. Они были женаты уже более сорока лет и воспитали восьмерых детей, семеро из которых получили докторские степени и преподавали в колледжах. Сведения о восьмом сыне были смутными, хотя Маргарет знала, что звали его Сэмом и он где-то скрывался от правосудия.

Я позвонил Раффинам, трубку сняла хозяйка дома. Представившись, я объяснил цель звонка, но мне показалось, что миссис Раффин и так все обо мне уже известно. Она сказала, что читает «Таймс» последние пятьдесят лет от корки до корки – все, включая некрологи и частные объявления, – и высказала мнение, что теперь газета находится в лучших руках. Статьи стали более обстоятельными. Больше новостей. Меньше ошибок. Она говорила медленно, четко, с произношением, какого я не слышал с тех пор, как покинул Сиракьюс.

Когда у меня появилась возможность вставить слово, я поблагодарил собеседницу и повторил, что хотел бы встретиться и поговорить о ее выдающемся семействе. Миссис Раффин была польщена и пригласила меня на обед.

Так началась необычная дружба, которая открыла мне глаза на многое – не в последнюю очередь на то, что представляет собой истинная южная кухня.

Моя мать умерла, когда мне было тринадцать лет. Она страдала отсутствием аппетита, весила меньше ста фунтов – на похоронах ее гроб без труда несли всего четыре человека – и выглядела как призрак. Отсутствие аппетита было лишь одной из множества ее проблем.

Поскольку сама ничего не ела, она и не готовила. Не припомню, чтобы хоть раз меня накормили дома чем-нибудь горячим. На завтрак я обычно получал миску хлопьев «Доброе утро», на обед – холодный сэндвич, на ужин – какую-нибудь замороженную гадость, которую съедал в одиночестве, сидя перед телевизором. Я был единственным ребенком в семье, отца почти никогда не бывало дома, что не могло не радовать, поскольку его присутствие всегда выливалось в скандалы. Отец любил поесть, мать – нет. Они вообще спорили по любому поводу.

Голодным я не оставался, в кладовой всегда в изобилии имелись арахисовое масло, всякие хлопья и тому подобная дребедень. Но иногда мне случалось обедать у моего друга, и я восхищался тем, как готовят в настоящих семьях и как приятно там проводят время за общим столом. В нашем же доме еда просто не входила в круг важных вещей.

Подростком, как уже сказал, я питался замороженными ужинами. В Сиракьюсе – пивом с пиццей. Первые двадцать три года своей жизни я вообще ел только тогда, когда был голоден, и, лишь поселившись в Клэнтоне, узнал, что это неправильно. На Юге застолье прямого отношения к голоду не имело.

Дом Раффинов находился в самой лучшей части Нижнего города и стоял в ряду таких же аккуратно выкрашенных и содержащихся в идеальном порядке особняков. На почтовых ящиках были написаны адреса, так что дом я нашел легко и, остановив машину, поймал себя на том, что улыбаюсь, глядя на беленький забор из штакетника и высаженные вдоль тротуара цветы – пионы и ирисы. Было начало апреля, я уже ездил с опущенным верхом и, выключив мотор, мгновенно учуял потрясающе вкусный запах – запах свиных отбивных!

Каля Раффин встретила меня у низенькой двустворчатой калитки, ведущей на безукоризненно ухоженную лужайку. Хозяйка дома оказалась плотной дамой с полными плечами и торсом, ее рукопожатие было по-мужски крепким. Весь облик этой седовласой женщины свидетельствовал о том, что она родила и вырастила много детей, но, когда она улыбалась, а улыбалась она постоянно, все вокруг озарялось сиянием безупречно ровных и ослепительно белых зубов. Таких зубов я в жизни не видел.

– Я так рада, что вы приехали, – сказала Каля, ведя меня к дому по выложенной кирпичами дорожке. Я тоже был очень рад: время приближалось к полудню, а у

меня – что характерно – еще маковой росинки во рту не было, и от ароматов, доносившихся с террасы, начала кружиться голова.

– У вас чудесный дом, – заметил я, оглядывая фасад. Дом был обшит вагонкой, покрашен сверкающей белой краской, и повсюду царила такая чистота, что казалось: кто-то постоянно ходит вокруг с ведром и щеткой. Весь фасад опоясывала крытая черепицей зеленая веранда.

– Спасибо. Мы купили его тридцать лет назад, с тех пор так тут и живем.

Я знал, что большинство халуп в Нижнем городе принадлежат белым хозяевам, обитающим по ту сторону железной дороги. То, что Раффины сами владели домом, причем приличным, тогда, в 1970-е годы, было редкостью.

– Кто ухаживает за вашим садом? – поинтересовался я, вдыхая аромат чайной розы. Цветы здесь были повсюду – они росли вдоль дорожки, обрамляли веранду, обозначали границы земельного участка.

– Я сама, – ответила миссис Раффин и, рассмеявшись, сверкнула на солнце своими восхитительными зубами.

Три ступеньки, и вот мы на веранде, а там – пиршество! Столик, вплотную придвинутый к перилам, был накрыт на две персоны. Белая хлопчатобумажная скатерть, белые хлопчатобумажные салфетки, цветы в маленькой вазе, большой кувшин чая со льдом и минимум четыре закрытых крышками блюда.

– Вы кого-то ждете? – спросил я.

– О нет, это для нас с вами. Исав, может быть, придет, но позже.

– Но здесь еды на целую компанию. – Я глубоко вдохнул, и мой желудок сладко свело от предвкушения.

– Давайте сразу и приступим, – предложила хозяйка, – пока все не остыло.

Стараясь сдерживаться, я небрежно подошел к столу и отодвинул стул для дамы. Мои манеры ее восхитили. Сев напротив, я приготовился предаваться

чревоугодию, но Калия взяла меня за обе руки, опустила голову и стала молиться.

Молитва оказалась длинной. Она благодарила Бога за все хорошее, в том числе за то, что Он послал ей меня, «нового друга». Молила за тех, кто болен и кому грозит болезнь. Молила о ниспослании дождя, солнца, здоровья, смирения и терпения. И хоть я беспокоился о том, что еда простынет, ее голос меня заморозил. Ритм ее речи был размеренным, а каждое слово исполнено смысла. У нее была идеальная дикция, она не проглатывала ни единого гласного, уважительно интонировала каждую точку и каждую запятую. Мне пришлось чуть приоткрыть глаза, чтобы убедиться, что это не сон. Я никогда не слышал, чтобы так разговаривал хоть один чернокожий с Юга, впрочем, и белый тоже.

Я исподтишка взглянул на хозяйку дома. Она разговаривала со своим Богом, и ее лицо выражало полный покой. На несколько секунд я даже забыл о голоде. Стиснув мои ладони, она просила милости у Всемогущего с красноречием, дающимся только годами практики. Она цитировала Священное Писание – по Библии короля Якова, несомненно, – и было немного странно слышать из ее уст такие слова, как «злоречие языка», «премудрость и крепость», «камо грядеши». Но она прекрасно понимала, что говорит. Я никогда не чувствовал себя так близко к Богу, как в тот момент, когда эта благочестивая женщина держала меня за руки.

Трудно было представить, чтобы восемь детей так же долго и благочестиво молились над столом, уставленным вкусной едой. Что-то, однако, подсказывало мне: когда молитву читала Калия Раффин, никто не смел пошевелиться.

Закончила она цветистым длинным периодом, в котором просила отпустить ей грехи, коих, по моим соображениям, было не много и кои были отнюдь не тяжкими, а также мне – мои, коих было... о, если бы она только знала!

Отпустив мои руки, она принялась снимать крышки. На первом блюде лежала грудка свиных отбивных, политых соусом, который в числе множества других ингредиентов явно включал лук и перец. Густой аромат ударил мне в ноздри, я готов был схватить мясо прямо руками. На втором блюде высилась гора дымящейся желтой кукурузы, сдобренной пряностями. На третьем – бамия, которую, как объяснила хозяйка, раскладывая еду по тарелкам, она предпочитала варить, а не жарить, поскольку избегала избытка жиров в своем рационе. Ее с детства учили жарить все – от свежих помидоров до

маринованных овощей – на большом количестве масла, но с годами она пришла к выводу, что это вредит здоровью. На столе стояли также бобы, без жира, как и все остальное, но приготовленные с окороком и беконом, и глубокая тарелка маленьких красных помидоров, политых оливковым маслом и посыпанных перцем. Миссис Раффин сказала, что она одна из немногих в городе кулинарок, использующих оливковое масло. Пока она наполняла мою тарелку, я жадно ловил каждое ее слово.

Сын, живущий в Милуоки, присылает ей оливковое масло, поскольку в Клэнтоне о нем слухом не слыхивали.

Она извинилась за то, что помидоры из магазина: собственные, пояснила хозяйка, созреют только летом. Кукурузу, бамию и бобы она сама законсервировала в прошлом году, в августе. В сущности, свежая только зелень, выращенная уже в этом году, «весенняя трава», как она выразилась.

В центре стола стояла глубокая черная сковорода. Когда миссис Раффин сняла салфетку, я увидел горячий хлеб из кукурузной муки, его там было не менее четырех фунтов. Отломив огромный ломоть, она положила его на середину моей тарелки и сказала:

– Ну вот. Это для начала.

Передо мной никогда в жизни еще не лежало столько еды. Пир начался.

Я пытался есть медленно, но вскоре понял, что это невозможно. Приехав сюда на пустой желудок, под воздействием конкурирующих друг с другом ароматов, красоты сервировки, долгой молитвы и подробного описания каждого блюда, я почувствовал себя почти умирающим от голода, поэтому немедленно накинулся на еду, между тем как моя хозяйка, казалось, с удовольствием, продолжала говорить.

Большую часть их потребностей удовлетворяет огород. Они с Исавом выращивают четыре сорта помидоров, бобы, фасоль, коровий горох, зеленый горошек, огурцы, баклажаны, капусту кольраби, тыкву, горчицу, репу, синий лук, желтый лук, зеленый лук, белокочанную капусту, бамию, новый сорт красной картошки, белую картошку, морковь, свеклу, кукурузу, сладкий перец, мускусную дыню, два сорта сладкой дыни и что-то там еще, чего она сейчас не

припомнит. Свинину поставляет ее брат, который по-прежнему живет в их старом родительском доме в деревне. Он забивает для них каждую зиму двух свиней, мясо хранят в морозилке. Они, Раффины, в свою очередь, снабжают его свежими овощами.

– Мы не пользуемся химикатами, – сказала она, наблюдая, как я набиваю себе желудок. – Здесь все натуральное.

Вкус еды, безусловно, подтверждал ее сообщение.

– Но это, знаете ли, зимние заготовки. Летом, когда все срываешь с грядки и съедаешь уже через час-другой, получается куда вкуснее. Вы ведь не откажетесь навестить нас еще, мистер Трейнор?

Я кивнул с набитым ртом и что-то промычал, давая понять, что явлюсь по первому ее зову.

– Хотите посмотреть мой огород? – спросила она.

Я снова кивнул, рот у меня по-прежнему был набит до отказа.

– Отлично. Он там, позади дома. Я нарву вам латука и травы. Они поспели в самый раз.

– Прекрасно, – с трудом выдавил я.

– Полагаю, одинокому мужчине вроде вас никакая помощь не помешает.

– Откуда вы знаете, что я одинокий? – Я с удовольствием запил еду холодным чаем. Он вполне мог сойти за десерт, столько в нем было сахара.

– О вас говорят. Слухи распространяются быстро. В Клэнтоне – по обе стороны железной дороги – секреты долго не хранятся.

– А что еще вы обо мне слышали?

- Дайте припомнить... Вы снимаете квартиру у Хокутов. Приехали с Севера.

- Из Мемфиса.

- Так издалека?

- Это же всего в часе езды отсюда.

- Я пошутила. Одна из моих дочерей училась там в колледже.

Я припас массу вопросов о ее детях, но пока не был готов делать записи: руки были заняты вилкой и ножом. В какой-то момент я назвал ее не «мисс Раффин», а «мисс Калия».

- Калли, - подсказала она. - Называйте меня «мисс Калли».

Первое, чему я научился в Клэнтоне, - это обращаться к женщинам - независимо от возраста и семейного положения, ставя перед фамилией или именем слово «мисс». Если новая знакомая была в годах, ее следовало называть «мисс Браун» или «мисс Уэбстер», если помоложе - «мисс Марта» или «мисс Сара». Это считалось признаком хорошего воспитания и куртуазности, а поскольку ни тем ни другим я похвастать не мог, было очень важно перенять как можно больше местных обычаев.

- Что это за имя - Калия? - спросил я.

- Итальянское, - ответила она так, словно это объясняло все. Она съела лишь горстку бобов, я обглодал отбивную до косточки.

- Итальянское?

- Это был мой первый язык. Долгая история - одна из многих. А что, редакцию действительно пытались сжечь?

- Да, пытались, - подтвердил я, не веря собственным ушам: чернокожая женщина из сельского района Миссисипи и вдруг «первый язык - итальянский».

- И напали на мистера Мика?

- Совершенно верно.

- И кто же они?

- Пока неизвестно. Шериф Коули ведет расследование. - Мне очень хотелось узнать ее мнение о шерифе, поэтому я сделал паузу, не преминув отломить при этом еще хлеба. Вскоре по моему подбородку потекло масло.

- Он уже давно служит шерифом, не так ли? - сказала она.

Я не сомневался, что мисс Калли точно знает дату, когда Маккей Дон Коули первый раз купил себе должность шерифа.

- Что вы о нем думаете?

Она отпила немного чая и поразмыслила. Мисс Калли не была склонна к скоропалительным ответам, особенно когда речь шла о других людях.

- По эту сторону дороги хорошим считается тот шериф, который умеет оградить нас от игроков, бутлегеров и сутенеров. С этой точки зрения мистер Коули работу свою выполняет исправно.

- Можно мне кое о чем вас спросить?

- Разумеется. Вы ведь журналист.

- У вас необычно правильная и четкая речь. Какое образование вы получили? - Щекотливый вопрос в обществе, где в течение многих десятилетий образованию особого значения не придавали. Шел 1970 год, в Миссисипи еще не было ни общедоступных детских садов, ни закона об обязательном среднем образовании.

Она рассмеялась, позволяя мне еще раз полюбоваться своими фантастически красивыми зубами.

– Я окончила девять классов, мистер Трейнор.

– Девять классов?

– Да, но мой случай необычный. У меня был чудесный учитель. Впрочем, это еще одна длинная история.

Я начинал понимать, что понадобятся месяцы, а то и годы, чтобы мисс Калли рассказала мне все свои удивительные истории. Не исключено, что происходить это будет здесь, на террасе, во время еженедельных банкетов.

– Давайте отложим ее на потом, – мягко добавила она. – Как поживает мистер Коудл?

– Неважно. Думаю, он больше не выйдет из дома.

– Прекрасный человек. Он навсегда останется в сердцах нашей черной общины. Он ведь проявил такое мужество.

Мне пришло в голову, что «мужество» Пятна было продиктовано скорее желанием расширить ареал, из которого он черпал свои некрологи, нежели приверженностью к равенству и справедливости. Но я уже усвоил, с каким почтением чернокожие относятся к смерти – к ритуалу бдения у гроба, который длится порой целую неделю, к марафону заупокойной службы, сопровождаемой плачем над открытым гробом, к похоронным процессиям, растягивающимся иногда на милю, и, наконец, к прощанию с покойным у разверстой могилы, преисполненному безудержных эмоций. Столь радикально открыв доступ черным в свой раздел некрологов, Коудл стал в Нижнем городе героем.

– Да, прекрасный человек, – согласился я, перекладывая на свою тарелку третью отбивную. У меня начинал немного побаливать живот, но на столе оставалось еще столько еды!

– Вы своими некрологами достойно продолжаете его дело, – с теплой улыбкой похвалила она.

– Благодарю вас. Я пока только учусь.

– И храбрости вам тоже не занимать, мистер Трейнор.

– Не могли бы вы называть меня Уилли? Мне ведь всего двадцать три года.

– Я предпочитаю – «мистер Трейнор». – Тема была решительно закрыта.

Потребовалось четыре года, чтобы она превозмогла себя и стала называть меня по имени. – Вы не побоялись самих Пэджитов! – с пафосом произнесла мисс Калли.

Это оказалось для меня неожиданностью.

– Я просто делаю свою работу, – скромно возразил я.

– Как вы думаете, они продолжают запугивание?

– Вполне вероятно. Они ведь привыкли получать все, чего ни пожелают. Они жестоки, безжалостны, но свободная пресса должна стоять до конца. – Кого я пытался одурачить? Еще одна бомба или еще одно нападение – и я окажусь в Мемфисе, не успеет взойти солнце.

Она положила вилку и, устремив взгляд на улицу, где ничего особенного не происходило, погрузилась в размышления. Я, конечно же, продолжал поглощать угощение. Наконец она произнесла:

– Бедные малютки. Увидеть свою мать в такой ситуации!

Картина преступления, всплывшая в памяти, заставила-таки меня отложить вилку. Я вытер губы салфеткой и сделал глубокий вдох, чтобы пища немного улеглась. Ужас совершенного преступления потряс воображение всех жителей Клэнтонна, еще очень долго в городе только о нем и говорили. Как обычно бывает, в пересудах все преувеличивали, рождались разные версии, которые, передаваясь из уст в уста, обрастали новыми красочными подробностями, выдуманные на ходу сочинителями. Мне было интересно узнать, какие слухи циркулировали в Нижнем городе.

– Вы сказали по телефону, что читаете «Таймс» уже лет пятьдесят, – напомнил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не рыгнуть.

- Это так.

- Вы можете припомнить более жестокое преступление?

Она помолчала несколько секунд, мысленно проводя ревизию минувшего полувека, потом медленно покачала головой:

- Нет, не могу.

- Видели ли вы когда-нибудь хоть одного Пэджита?

- Нет. Они предпочитают не покидать остров, так было всегда. Даже их негры оттуда не выходят: гонят виски, исполняют свои вудуистские обряды и занимаются разными другими глупостями.

- Вудуистские?

- Да, по нашу сторону дороги это знают все. И никто не имеет дела с пэджитовскими неграми. Никогда не имел.

- Люди, живущие по эту сторону железной дороги, верят, что Дэнни Пэджит изнасиловал и убил женщину?

- Те, кто читает вашу газету, безусловно, верят.

Это поразило меня больше, чем она могла представить.

- Мы лишь излагаем факты, - чопорно заметил я. - Парень арестован. Ему предъявлено обвинение. Он ждет суда в тюрьме.

- А как же быть с презумпцией невиновности?

Я поежился:

- Ну да, конечно.

– Вы считаете, что было справедливо помещать фотографию, где он в наручниках и окровавленной рубашке? – Ее чувство справедливости потрясло меня. Какое, казалось бы, дело ей или любому другому чернокожему жителю Нижнего города до того, чтобы с Дэнни Пэджитом обращались по справедливости? Мало кто когда бы то ни было волновался из-за несправедливого отношения полиции или прессы к черным обвиняемым.

– Но ведь рубашка уже была в крови, когда его привезли в тюрьму. Не мы ее испачкали. – Этот маленький спор никому из нас не доставлял удовольствия. Я с трудом сделал глоток чая: в желудке просто не оставалось места.

Мисс Калли одарила меня одной из своих фирменных улыбок и взяла на себя инициативу сменить тему:

– Как насчет десерта? Я испекла банановый пудинг.

Отказаться я не смог, но и съесть что-нибудь еще – тоже, поэтому прибег к компромиссу:

– Давайте немного передохнем, пусть пища уляжется.

– Тогда выпейте еще чаю, – предложила она и, не дожидаясь ответа, наполнила мой стакан. Мне было трудно дышать, поэтому я откинулся на спинку стула и решил вспомнить о своих журналистских обязанностях. Мисс Калли, съевшая несравненно меньше меня, принесла и поставила на стол печеную тыкву.

По словам Бэгги, Сэм Раффин был первым чернокожим учеником, принятым в одну из «белых» школ Клэнтонна. Это случилось в 1964 году, когда он, двенадцатилетний, учился в седьмом классе. Опыт оказался тяжелым для всех. Особенно для Сэма. Бэгги предупредил, что мисс Калли, вероятно, не захочет говорить о младшем сыне. Ордер на его арест оставался в силе, в здешних краях он считался беглецом.

Поначалу она действительно не хотела затрагивать эту тему, но постепенно разговорилась. В 1963 году вышло постановление суда, запрещающее чинить препятствия черным ученикам при поступлении в «белые» школы.

Принудительная интеграция была еще впереди. Сэм был их младшим ребенком, и они с Исавом первыми решили отдать его в белую школу в надежде, что их

примеру последуют и другие цветные семьи. Но этого не произошло, и в течение двух лет Сэм являлся единственным черным учеником предпоследней ступени на все клэнтонские средние школы. Над ним издевались, его били, но он быстро и сам научился орудовать кулаками, так что со временем парня оставили в покое. Он умолял родителей перевести его обратно в школу для черных, но те твердо стояли на своем, даже когда он перешел на последнюю ступень. Надо потерпеть, скоро станет легче, твердили Раффины себе. Борьба за десегрегацию семимильными шагами шествовала по Югу, и чернокожим постоянно обещали, что судебное решение по делу Браун против министерства образования вот-вот будет вынесено.

- Трудно поверить, что уже семидесятый год, а здешние школы по-прежнему разделены по расовому признаку, - сказала мисс Калли.

Судебные процессы на федеральном уровне и апелляционные решения здесь, на Юге, встречали ожесточенное сопротивление, причем, что характерно, штат Миссисипи сражался упорнее всех. Большинство белых жителей Клэнтонна, с которыми я был знаком, не сомневались, что их школы никогда не станут смешанными. А я, «северянин» из Мемфиса, понимал, что это очевидно.

- Вы сожалеете, что отправили Сэма в белую школу?

- И да, и нет. Должен же был кто-то проявить мужество. Больно было осознавать, что ему там плохо, но это было дело принципа. Отступить мы не собирались.

- А как он теперь?

- Сэм - это еще одна история, мистер Трейнор, и ее я, вероятно, смогу вам рассказать только много позже. А может, и вообще не смогу. Так вы хотите посмотреть мой огород?

Это прозвучало не как приглашение, скорее как команда. Я последовал за хозяйкой через весь дом по узкому коридору, на стенах которого висели десятки фотографий в рамках - дети и внуки. Внутри дом был таким же идеально чистым и прибранным, как и снаружи. Дверь в глубине кухни вела на заднее крыльцо, от которого начинался Эдемский сад, простиравшийся до дальнего забора. Ни единый квадратный фут земли здесь не пустовал.

Словно яркая цветная открытка: ровные ряды грядок и вьющихся по решеткам помидорных плетей, а между ними – узкие дорожки, чтобы Калли и Исав могли обихаживать свое впечатляющее изобилие.

– Что вы делаете со всем этим богатством? – в изумлении спросил я.

– Кое-что съедаем, немного продаем, а большую часть раздаем. Голодным отсюда никто не уходит. – При этих словах живот у меня заболел пуще прежнего. Голод был понятием, мне в данный момент недоступным. Мисс Калли повела меня в огород. Я медленно шел за ней между грядками, а она показывала мне травы, дыни и прочие вкусные плоды, которые они с Исавом так заботливо выращивали, рассказывала о каждом растении, включая случайно встречавшиеся сорняки, – их она тут же почти сердито выдергивала и отшвыривала прочь. Просто идти через огород, не обращая внимания на непорядок, было выше ее сил. Она высматривала насекомых, давила настырных зеленых червей, норотивших обглодать помидорные листья, и мысленно делала заметки о поручениях, которые нужно дать Исаву. Неторопливая прогулка произвела чудодейственный эффект на мое пищеварение.

Так вот откуда берется еда, невежественно думал я. А чего было от меня ожидать? Городское дитя, ни разу в жизни не видевшее прежде настоящего огорода. У меня в голове роилась куча вопросов, но все они были столь банальны, что я предпочел держать язык за зубами.

Мисс Калли осмотрела кукурузные ростки и осталась чем-то недовольна. Потом сорвала бобовый стручок, разломала его, внимательно, как ученый, исследовала и сдержанно заметила: им не хватает солнца. Увидев пучок сорняков, сообщила, что, как только Исав явится домой, она пошлет его вырвать их. Я Исаву не позавидовал.

Через три часа, с желудком, снова набитым до отказа, на сей раз банановым пудингом, я покинул дом Раффинов, унося с собой полную сумку «весенней травы», с которой не знал, что делать, и бесценные заметки для будущей статьи. Получил я и приглашение прийти в будущий четверг на очередной обед. Еще мне был вручен собственноручно составленный мисс Калли список ошибок, замеченных в последнем номере «Таймс». Почти все они были либо типографскими, либо корректорскими – общим числом двенадцать. Во времена

Пятна количество ошибок в среднем равнялось двадцати. Теперь снизилось почти вдвое. Такова была ее многолетняя привычка.

– Некоторые люди любят разгадывать кроссворды, – пояснила она, – а я – выискивать ошибки.

Трудно было не принять это замечание на свой адрес, хотя у нее, разумеется, и в мыслях не было кого бы то ни было критиковать. Я дал себе зарок впредь вычитывать корректуру более тщательно.

И еще кое-что уносил я с собой: ощущение, что в качестве награды обрел дружбу.

Глава 9

Очередной номер «Таймс» снова вышел с огромным снимком на первой полосе. Это была фотография бомбы, сделанная Уайли до того, как полиция ее демонтировала. Крупная подпись внизу сообщала: «БОМБА, ЗАЛОЖЕННАЯ В РЕДАКЦИИ “ТАЙМС”».

Моя статья начиналась с рассказа о Пистоне и его невероятном открытии. В ней были изложены все подробности, которые мне удалось проверить, и кое-какие из тех, что проверить не удалось. Никаких комментариев со стороны шефа полиции, несколько весьма бессмысленных замечаний шерифа Коули. В заключение приводились выводы, сделанные криминалистом: при детонации взрыв произвел бы «массированное» разрушение зданий, находящихся на южной стороне площади.

Уайли не позволил мне обнародовать свою изуродованную физиономию, как я его ни умолял. В нижней части первой полосы был напечатан крупный заголовок: «ФОТОГРАФ “ТАЙМС” ПОДВЕРГСЯ НАПАДЕНИЮ ВОЗЛЕ СОБСТВЕННОГО ДОМА». В заметке я, не вдаваясь в подробности, описал все, что считал нужным, хотя Уайли требовал, чтобы я позволил ему самому ее отредактировать.

В обоих материалах, ничуть не стараясь что-либо завуалировать, я связывал между собой эти два преступления и весьма жестко утверждал, что власти, особенно шериф Коули, не предпринимают должных усилий для того, чтобы предотвратить в дальнейшем акты устрашения. Фамилия Пэджитов не упоминалась, да в этом и необходимости не было: каждый человек в округе понимал, что именно они запугивают меня и мою газету.

Пятно ленился писать редакционные статьи. За все то время, что я при нем проработал в газете, он написал всего одну. Некий конгрессмен из Орегона внес какой-то безумный законопроект, который мог плачевно сказаться на судьбе калифорнийских секвой – то ли увеличить, то ли уменьшить их вырубку, понять было трудно. Это возмутило Коудла. В течение двух недель он корпел над редакционной статьей и в конце концов разродился тирадой в две тысячи слов. Любому окончившему среднюю школу было очевидно, что писал он ее, держа в одной руке перо, а в другой – толковый словарь Уэбстера. В первом же абзаце содержалось больше многосложных слов, чем кто бы то ни было слышал в своей жизни, поэтому понять что бы то ни было возможным не представлялось. Пятно был потрясен тем, что статья не вызвала отклика. Он ожидал лавины писем в поддержку своей позиции. Однако мало кто из читателей сумел вынырнуть из той лавины терминов, которая обрушилась со страниц Уэбстера.

Наконец, через три недели, кто-то все же подсунул под дверь нацарапанную от руки записку, в которой говорилось:

«Уважаемый редактор, разделяю Вашу озабоченность судьбой калифорнийских секвой, которые, как известно, не растут у нас в Миссисипи. Если в конгрессе будет затеваться что-нибудь против деревьев хвойных пород, не откажите в любезности дать нам знать».

Записка была анонимной, но Пятно ее все-таки опубликовал, радуясь, что хоть кто-то обратил внимание на его статью. Позднее Бэгги сообщил мне по секрету, что записку сочинил один из его друзей-собутельников.

Моя редакционная статья начиналась так: «Свободная и независимая пресса – жизненно важный фактор деятельности здорового демократического правительства». Без излишнего многословия и назидательности в последующих

четырёх абзацах я высказывался о важности деятельной и пытливой прессы не только для страны в целом, но и для каждой маленькой общины и торжественно обещал, что «Таймс» никому не удастся запугать и она никогда не перестанет честно информировать своих читателей о преступлениях, совершающихся в их краях, будь то изнасилования, убийства или коррупция в среде представителей власти.

Статья вышла смелая, дерзкая и, безусловно, блестящая. Горожане были на моей стороне. Получилось нечто вроде «“Таймс” против Пэджитов и их шерифа». Мы заявляли свою непоколебимую позицию: противостоять всем плохим людям. Я ясно давал понять: какими бы опасными они ни были, я их не боюсь. Мысленно я без конца повторял себе, что обязан быть смелым. Впрочем, у меня и выхода другого не было. Разве могла моя газета обойти молчанием убийство Роды Кассело? И безнаказанно спустить все Дэнни Пэджиту?

У моих сотрудников редакционная статья вызвала восхищение. Маргарет заявила, что гордится своей принадлежностью к «Таймс». Уайли, все еще не оправившийся от ран, носил при себе оружие и надеялся, что ему дадут веский повод пустить его в ход.

– Давай покажи им чертей, новобранец! – подзадоривал он меня.

Только Бэгги выражал скептицизм.

– Тебе это с рук не сойдет, – предупредил он.

А мисс Калли снова назвала меня мужественным. В следующий четверг обед продолжался всего два часа и проходил в присутствии Исава. Я начал наконец делать записи, касавшиеся их семьи, а в газете – что гораздо важнее – на сей раз обнаружилось всего три ошибки.

Вскоре после полудня в пятницу я сидел у себя в кабинете один, когда кто-то шумно вломился в редакцию и с грохотом стал подниматься по лестнице. Дверь кабинета распахнулась.

– Привет! – На пороге возникла фигура с засунутыми в карманы руками, которая показалась смутно знакомой, – должно быть, мы встречались где-то здесь, в районе площади. – Есть ли у вас что-нибудь в этом роде, парень? – прогудел мужчина, вынимая из кармана правую руку и, словно связку ключей, швыряя мне через стол блестящий пистолет. Я похолодел. Пистолет, какую-то долю секунды тяжело проскользнув по столу, остановился прямо напротив меня – слава богу, дулом к окну.

Мужчина перегнулся через столешницу, протянул мощную руку и представился:

– Гарри Рекс Уоннер, рад познакомиться.

В первый момент я был слишком потрясен, чтобы двинуться или что-то сказать, но сумел взять себя в руки и позорно слабо ответил на рукопожатие. Мой взгляд не отрывался от пистолета.

– Это «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, шестизарядный. Чертовски хорошее оружие. У вас есть револьвер?

Я отрицательно покачал головой. От одного названия по спине побежали мурашки.

Гарри Рекс держал в левом углу рта отвратительную черную сигару. Казалось, она висела там с утра, медленно распадаясь, как щепоть жевательного табака. Никакого дыма – сигара не была зажжена. Он уронил свое тяжелое тело в кожаное кресло, словно собирался провести здесь часа два, не меньше.

– Вы – чокнутый сукин сын, вы это знаете? – Он не столько говорил, сколько рычал. Я наконец сообразил: ко мне явился местный адвокат, тот, о котором Бэгги сказал, что он самый зловредный в округе специалист по бракоразводным делам. У Гарри Рекса было мясистое лицо, обрамленное торчащими во все стороны, как солома на ветру, коротко стриженными волосами. Допотопный помятый и засаленный пиджак цвета хаки был, вероятно, призван оповещать весь свет о том, что его хозяину на все плевать.

– И что я должен с ним делать? – поинтересовался я, взглядом указывая на пистолет.

– Прежде всего зарядить, патронов я вам дам, потом сунуть в карман и носить с собой повсюду. А когда кто-нибудь из Пэджитов выскочит на вас из кустов, стрелять прямо между глаз! – Для наглядности он ткнул себя указательным пальцем в переносицу.

– Так он не заряжен?

– Черт, конечно, не заряжен. Вы вообще что-нибудь смыслите в оружии?

– Боюсь, нет.

– Тогда советую подучиться, парень, вы слишком далеко зашли.

– Неужели дела обстоят так серьезно?

– Однажды, лет, наверное, десять назад, я вел бракоразводный процесс. Молодая жена моего клиента повадилась шастать в бордель, чтобы срубить немного денег. Парень, моряк, большую часть времени проводил в плавании и понятия не имел, чем она занимается. Но в конце концов все-таки узнал. Бордель принадлежал Пэджитам, один из них положил глаз на юную леди. – Сигара загадочным образом даже во время разговора оставалась на месте, только подпрыгивала в такт движению губ. – Мой клиент, убитый горем, возжаждал крови. И получил ее. Они поймали его как-то ночью и избили до полусмерти.

– Они?

– Не сомневаюсь, что это были Пэджиты или кто-то из их подручных.

– Подручных?

– Ага, на них работает уйма всяких головорезов: погромщиков, поджигателей, угонщиков автомобилей, ликвидаторов...

Он сделал паузу, чтобы слово «ликвидаторов» повисело в воздухе, и с удовольствием наблюдал за тем, как я ежился. Гарри Рекс производил впечатление человека, который может бесконечно рассказывать подобные

истории, не слишком заботясь об их достоверности. У него была глумливая улыбка, в глазах плясали черти. Я очень подозревал, что в этом рассказе была большая доля преувеличения.

– И их, разумеется, не поймали, – подсказал я.

– Пэджиты неуловимы.

– А что случилось с вашим клиентом?

– Провел несколько месяцев в больнице. У него оказалась тяжелая мозговая травма. Потом не вылезал из психушек. Семья распалась. В конце концов он переехал на побережье залива, где его выбрали в сенат штата.

Я кивал и улыбался в надежде, что все это враки, но уверенности не было. Не прикасаясь пальцами к сигаре, он каким-то немислимым способом, цокнув языком и наклонив голову, переместил ее в правый угол рта.

– Вы когда-нибудь ели козлятину? – без перерыва спросил он.

– Что вы сказали?

– Козлятину ели?

– Нет. Я вообще не знал, что она съедобна.

– Сегодня мы жарим козлятину. В первую пятницу каждого месяца я устраиваю «козлий пикник» у себя на даче, в лесу. Музыка, холодное пиво, всякие забавы, игры... Собирается человек пятьдесят, я сам тщательно отбираю участников – только сливки общества. Никаких докторов, банкиров и всех этих задниц из загородных клубов. Классная компания. Почему бы вам не присоединиться? У меня на берегу пруда есть небольшое стрельбище. Возьмем револьвер, и вы поучитесь обращаться с этой штуковиной.

Десятиминутная, по словам Гарри Рекса, поездка до его дачи заняла добрых полчаса – это только по асфальтированной дороге. Переехав «третий ручей

после бензозаправки Хека», я свернул на щебенку. Некоторое время дорога была вполне приличной, вдоль нее, как свидетельства цивилизации, даже стояли почтовые ящики, но мили через три почтовый тракт кончился, а вместе с ним и щебенка. Увидев «проржавевший насквозь трактор Мэсси Фергюсона без гусениц», я свернул на проселок. Согласно словесной топографической карте Гарри Рекса, это должна была быть «свиная тропа», но, поскольку прежде мне свиных троп видеть не доводилось, уверенности в том, что я еду правильно, не было. Вскоре «свиная тропа» затерялась в густом лесу, и я стал серьезно подумывать о том, чтобы повернуть назад. Мой «спитфайр» не был приспособлен для езды по пересеченной местности. К тому времени когда показалась крыша дачи, прошло сорок пять минут с начала якобы десятиминутного путешествия.

Владения окружал забор из колючей проволоки, в котором имелись металлические ворота. Ворота были открыты, однако мне пришлось остановиться перед ними, поскольку этого потребовал охранявший их молодой человек с ружьем. Интересно, зачем нужна вооруженная охрана на «козлином пикнике»? Парень смотрел на мой «спитфайр», как деревенский житель, никогда не видевший иностранной машины.

– Ваше имя? – спросил он.

– Уилли Трейнор.

Полагаю, «Уилли» примирило его со мной, потому что он кивком разрешил мне проехать и даже бросил вслед:

– Хорошая машина.

Количество полугрузовиков превышало количество легковых автомобилей. Все машины стояли как попало на лужайке перед домом. Мерл Хаггард надрывался из двух динамиков, выставленных в открытые окна. Группа гостей столпилась над ямой, из которой поднимался дымок, – там жарилась козлятина. Другая группа позади дома играла в «подковки»[7 - Набрасывание подковообразных бит на столбик.]. Три хорошо одетые дамы сидели на террасе, попивая нечто – явно не пиво. Появившийся Гарри Рекс горячо приветствовал меня.

– Кто этот парень там, с ружьем? – спросил я.

– Ах, тот... Даффи, племянник моей первой жены.

– А зачем он там торчит? – Если «козлиный пикник» подразумевал нечто противозаконное, я хотел по крайней мере это знать.

– Не волнуйтесь. Даффи никто не велел там стоять, и ружье у него не заряжено. Парень уже несколько лет охраняет неизвестно что.

Я улыбнулся, как если бы в том, что сказал радушный хозяин, был какой-то смысл. Гарри Рекс повел меня к яме, в которой я увидел первого в своей жизни козла. До сих пор ни жареного, ни живого мне видеть не приходилось. Если не считать головы и шкуры, козел был целехонек. Меня представили многочисленным шеф-поварам. К каждому имени присовокуплялась профессия: адвокат, залоговый поручитель, торговец автомобилями, фермер... Немного понаблюдав за тем, как туша медленно вращается на вертеле, я узнал, что существует множество теорий правильного приготовления козла. Гарри Рекс вручил мне пиво, и мы направились к дому, то и дело останавливаясь, чтобы переброситься парой слов с каждым встречным. Секретарша, «мошенник – агент по недвижимости», нынешняя жена Гарри Рекса – все, казалось, были рады познакомиться с новым владельцем «Таймс».

Коттедж стоял на берегу грязного пруда, который наверняка должен был привлекать полчища змей. Деревянный настил простирался над водой, где собралось много людей. Гарри Рекс с явным удовольствием представлял меня своим друзьям.

– Он отличный парень, не чета этим задницам из «Лиги плюща», – не раз повторил он. Мне не нравилось, что меня называют «парнем», но я начинал уже к этому привыкать.

Я присоединился к небольшой группе, включавшей в себя двух дам, выглядевших так, будто они провели много лет в притонах: избыток макияжа, пышные начесы, обтягивающие платья. Дамы немедленно заинтересовались мной. Разговор начался с бомбы и нападения на Уайли Мика и плавно перетек на тему страха, облаком которого Пэджиты накрыли весь округ. Я вел себя так, словно все происходящее было лишь очередным эпизодом в моей долгой и многотрудной журналистской карьере. Меня сверлили вопросами, и невольно приходилось говорить больше, чем хотелось.

Гарри Рекс снова присоединился к нам и вручил мне подозрительного вида банку с прозрачной жидкостью.

- Пейте осторожно, - предупредил он совсем по-отечески.

- Что это? - спросил я, заметив, как остальные с любопытством посматривают на нас.

- Персиковый бренди.

- А почему в банке?

- В таких банках его делают.

- Это самогон, - с видом знатока пояснила одна из раскрашенных дам.

Не часто доводится сельским жителям видеть, как «член “Лиги плюща”» впервые пробует самогон. Гости подтянулись поближе. Я не сомневался, что за пять лет, проведенных в Сиракьюсе, выпил больше алкоголя, чем любой из присутствующих за всю свою жизнь, поэтому, отбросив осторожность, провозгласил «Ваше здоровье!», сделал небольшой глоток, почмокал губами и сказал: «Недурно». Все пытались улыбаться, словно посвящали новообращенного в члены студенческого землячества.

Жжение началось на губах, в том месте, где они пришли в соприкосновение с жидкостью, потом быстро распространилось по языку, и к тому времени, когда достигло гортани, мне уже казалось, что меня жгут на костре. Все наблюдали за мной с любопытством. Гарри Рекс тоже отпил из своей банки.

- Где вы это берете? - спросил я как можно небрежнее. Мне казалось, что пламя вырывается у меня сквозь зубы.

- Да здесь, неподалеку, - ответил кто-то.

Онемев от ожога гортани, я сделал еще глоток, мечтая лишь об одном: чтобы на меня перестали обращать внимание. Как ни странно, после третьего глотка я

почувствовал легкий привкус персика: видимо, мои вкусовые рецепторы оправились от шока и снова заработали. Когда стало очевидно, что я не собираюсь изрыгать пламя или орать и что меня не вытошнит, разговор возобновился. Гарри Рекс, как всегда, жаждущий расширить мой кругозор, протянул мне тарелку с чем-то жареным.

- Попробуйте, - предложил он.

- А что это? - подозрительно поинтересовался я.

Обе раскрашенные дамы сморщили носы и отвернулись, как будто от запаха угощения их мутило.

- Рубцы, - сказала одна из них.

Гарри Рекс, чтобы продемонстрировать, что угощение не какая-нибудь отравка, закинул в рот кусочек и снова подсунул мне тарелку.

- Давайте, не бойтесь, - настаивал он, причмокивая от удовольствия.

Все снова вперили в меня взгляды, поэтому пришлось выбрать самый маленький кусочек и положить его в рот. Рубец оказался жестким, как резина, кислым на вкус и вонючим - он пах хлебом. Я прожевал как мог, с трудом проглотил и запил глотком самогона. Секунду-другую мне казалось, что я сейчас упаду в обморок.

- Это свиной потрох, парень, - пояснил Гарри Рекс, похлопывая меня по спине. Он закинул еще кусок в свой огромный рот и снова протянул тарелку мне.

- А где же козлятина? - еле выговорил я. Все, что угодно, было сейчас для меня предпочтительнее этой гадости.

Чем плохи пиво и пицца? Зачем всем этим людям есть и пить такую мерзость?

Гарри Рекс пошел инспектировать готовность козла, слава богу, захватив с собой отвратительные рубцы вместе с запахом. Я поставил банку на перила, надеясь, что она соскользнет с них и исчезнет, и в изумлении наблюдал, как остальные передают банку с самогоном по кругу - одной банки хватало на

целую компанию. Никаких микробов, видимо, никто не боялся. Впрочем, ни один микроб на расстоянии трех футов от этого мерзкого варева не имел никаких шансов выжить.

Я извинился, сказал, что мне необходимо освежить лицо, и покинул компанию, сидевшую на пирсе. Из задней двери коттеджа возник Гарри Рекс с двумя пистолетами и коробкой боеприпасов.

– Пока не стемнело, давайте-ка сделаем несколько выстрелов, – предложил он. – Идите за мной. – У ямы, в которой жарился козел, мы подхватили ковбоя по имени Рейф. – Рейф – мой агент, – объяснил Гарри Рекс по дороге к лесу.

– В каком смысле – агент? – не понял я.

– Ищет клиентов.

– Я адвокат, предлагающий услуги по делам о несчастных случаях, – пришел мне на помощь Рейф. – Хотя несчастные случаи обычно преследуют меня самого.

Сколько же всего я еще не знал! Впрочем, прогресс был налицо. Одних свиных рубцов и самогона для одного дня вполне достаточно. Мы прошли ярдов сто по тропинке, бежавшей через заброшенное поле, а потом через лес, и оказались на поляне. Между двумя великолепными дубами Гарри Рекс устроил из тюков прессованного сена полукруглую стену высотой футов в двадцать. Посредине была натянута белая простыня с нарисованным в центре контуром мужской фигуры – воображаемым бандитом. Врагом. Словом – мишень.

Я не удивился, увидев, что Рейф вытащил из кармана собственный пистолет. Гарри Рекс взял в руку мой и приступил к уроку:

– Это самовзводный револьвер с шестью патронами. Нажимаете здесь – барабан освобождается. – Рейф протянул руку и ловко вставил в барабан шесть патронов. – Ставите барабан на место, вот так, и можно стрелять.

Мы стояли футах в пятидесяти от мишени. Со стороны дома доносилась музыка. Что подумают гости, услышав выстрелы? Да ничего. Здесь это случается постоянно.

Рейф взял мой револьвер и повернулся лицом к мишени.

– Для начала поставьте ноги на ширину плеч, чуть согните их в коленях, потом поднимите оружие двумя руками, вот так, и нажмите на курок указательным пальцем правой руки. – Объяснения сопровождались наглядными действиями, и все, разумеется, выглядело очень просто. Я стоял на расстоянии менее пяти футов от Рейфа, когда прогремел выстрел, – словно что-то внезапно ударило по моим нервам. Зачем нужен такой громкий звук?

Я никогда еще не слышал настоящей стрельбы.

Вторая пуля поразила мишень прямо в грудь, следующие четыре – где-то в районе живота. Рейф повернулся ко мне, выщелкнул барабан и сказал:

– Теперь вы.

Я дрожащими руками взял револьвер. Он был горячим, в воздухе повис запах пороха. Я кое-как вставил патроны в пустые ячейки и поставил барабан на место, радуясь, что удалось никого не поранить. Потом, повернувшись к мишени, обеими руками поднял револьвер, принял стойку, как в дурном кино, закрыл глаза и спустил курок. Ощущение и звук были такими, будто рядом разорвалась небольшая бомба.

– Черт возьми, глаза надо бы держать открытыми! – прорычал Гарри Рекс.

– Куда я попал?

– Вон в ту гору позади дубов.

– Попробуйте еще раз, – предложил Рейф.

Я старался смотреть через щелку прицела, но она ходила ходуном, так что это было совершенно бесполезно. На сей раз, нажимая на спусковой крючок, я держал глаза открытыми, хотел увидеть, куда попадет пуля. Однако новых отверстий в мишени после выстрела не обнаружилось.

– Даже в простыню не попал, – пробормотал у меня за спиной Рейф.

- Стреляйте еще, - подбодрил меня Гарри Рекс.

Я выстрелил и снова не понял, куда угодила пуля. Рейф деликатно взял меня под руку и подвел футов на десять ближе к мишени.

- Не волнуйтесь, вы все делаете правильно, - сказал он. - А патронов у нас полно.

Когда моя четвертая пуля пролетела мимо сенной стены, Гарри Рекс заметил:

- Полагаю, Пэджиты могут спать спокойно.

- Это все из-за самогона, - неловко попытался оправдаться я.

- Просто нужна практика, - успокоил меня Рейф, подводя еще ближе. Ладони у меня вспотели, сердце выпрыгивало наружу, в ушах звенело.

Пятым выстрелом я поразил-таки простыню - правый верхний угол, минимум в шести футах от мишени. Шестую снова выпустил мимо, услышал только, как треснула ветка на каком-то дубе.

- Отличный выстрел, - съязвил Гарри Рекс. - Вы чуть не убили белку.

- Заткнитесь! - рявкнул я.

- Расслабьтесь, - посоветовал Рейф. - Вы слишком напрягаетесь. - Он помог мне перезарядить револьвер и на этот раз сам прижал мои ладони к рукоятке. - Дышите глубоко, - руководил он через мое плечо. - Выдохните прямо перед тем, как нажать спусковой крючок. - Пока я прицеливался, он взял мои руки в свои, и вылетевшая из револьвера пуля прострелила мишени пах.

- Вот это уже дело, - похвалил Гарри Рекс.

Рейф отпустил меня, и я, как заправский стрелок, выпустил подряд оставшиеся пять пуль. Все они попали в простыню, одна, будь мишень живой, оторвала бы ей ухо. Рейф одобрил мои успехи, и мы снова перезарядили револьвер.

Гарри Рекс из своей обширной коллекции прихватил девятимиллиметровый автоматический «глок», и, пока солнце медленно садилось за горизонт, мы продолжали стрелять по очереди. Адвокат был хорошим стрелком и без труда с пятидесяти футов укладывал десять пуль подряд в верхнюю часть торса. После четырех попыток я немного расслабился, мне даже начал нравиться этот спорт. Рейф оказался превосходным учителем, давая время от времени ценные советы, он с удовольствием наблюдал за моими успехами и без усталости повторял:

– Все дело в практике.

Когда стрельбища закончились, Гарри Рекс заключил:

– Этот револьвер – подарок. И вы можете приезжать сюда в любое время, чтобы потренироваться.

– Спасибо, – поблагодарил я и небрежно сунул оружие в карман, как настоящий местный житель. Я радовался: ритуал был завершен, а я научился кое-чему, что каждый местный житель умеет уже годам к двенадцати. Но ощущения безопасности мне это не прибавило. У любого Пэджита, который выскочит на меня из кустов, будет преимущество внезапности и долголетней практики. Я почти видел, как в темноте выхватываю пистолет и выпускаю пулю, которая, вероятнее всего, поразит меня самого, а не нападающего.

Когда мы шли обратно через лесок, Гарри Рекс проговорил у меня за спиной:

– Та крашенная блондинка, с которой вы познакомились, Карлин...

– Да? – Я вдруг занервничал.

– Вы ей понравились.

Карлин прожила на свете минимум сорок нелегких лет. Я не знал, что сказать.

– Она всегда готова лечь в постель.

Я не сомневался, что в округе Форд мало найдется постелей, которые Карлин пропустила.

- Благодарю, - отверг я предложение. - У меня подруга в Мемфисе.

- Ну и что?

- Отличный козырь, - пробормотал себе под нос Рейф.

- Подружка тут, подружка там - подумаешь, какая разница?

- Давайте договоримся, Гарри Рекс, - сказал я. - Если мне понадобится ваша помощь в поиске партнерши, я дам вам знать.

- Ночь любви - всего и делов-то, - пробурчал он.

У меня не было в Мемфисе постоянной девушки, но со многими я был знаком. В случае необходимости я предпочел бы смотаться в Мемфис, а не опускаться до прелестей Карлин.

У козла был весьма специфический вкус: не то чтобы приятный, но на фоне свиных рубцов он показался не таким отвратительным, как я ожидал. Мясо было жестким и подавалось с густым шашлычным соусом, который, полагаю, был призван заглушать собственный вкус козлятины. Я ковырял один и тот же кусок, обильно запивая его пивом. Мы снова сидели на деревянном настиле, на сей раз компанию нам составляла Лоретта Лин. После самогона некоторые гости отправились прогуляться, другие танцевали на берегу пруда. Карлин еще раньше исчезла с кем-то другим, так что мне ничто не угрожало. Гарри Рекс, сидя неподалеку, веселил всех баснями о том, каким удачливым охотником на белок и кроликов я обещаю стать. Он обладал незаурядным талантом рассказчика.

Здесь я был чужого поля ягодой, но все любезно старались вовлечь меня в свою среду. Возвращаясь по неосвещенной дороге домой, я мысленно повторял вопрос, который задавал себе каждый день: что я делаю здесь, в округе Форд, штат Миссисипи?

Глава 10

Револьвер был слишком велик для моего кармана. Несколько часов я ходил с ним, стараясь привыкнуть, но очень боялся, что он произвольно выстрелит в непосредственной близости от моего мужского достоинства, и в конце концов решил переложить его в потрепанный кожаный портфель, который когда-то подарил мне отец. Три дня портфель неотлучно находился при мне, даже во время обеда, потом мне и это надоело. Через неделю я сунул револьвер под водительское сиденье в машине, а через три напрочь забыл о нем. Стрельбища я больше не посещал, хотя еще на нескольких «козлиных пикниках» присутствовал, умудряясь, однако, благополучно уклоняться от свиных рубцов, самогона и становившейся все более активной Карлин.

В ожидании невиданного судебного процесса в округе наступило временное затишье. Ничего нового о деле «Таймс» не сообщала, поскольку ничего и не происходило. Пэджиты по-прежнему отказывались предоставить свои земли в залог за освобождение Дэнни, так что он оставался гостем спецкамеры шерифа Коули, где смотрел телевизор, играл в карты или шахматы, спал сколько влезет и ел то, что и не снилось обычным заключенным.

На первой майской неделе судья Лупас снова приехал в город, и я вспомнил о своем надежном «смит-и-вессоне». Люсьен Уилбенкс внес ходатайство о переносе места рассмотрения дела, судья назначил слушания на понедельник, на девять утра. Казалось, в зал набилось пол-округа, прежде всего, разумеется, большинство завсегдатаев заведений, расположенных вокруг главной площади. Мы с Бэгги снова пришли загодя и заняли хорошие места.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стандартная упаковка из шести банок. – Здесь и далее примеч. пер.

2

На Юге США так обычно называется беднейшая часть города, в основном населенная афроамериканцами.

3

Так называют несколько старейших университетов США, воспитывающих интеллектуальную элиту.

4

По начальной букве имени Джойнер – J, которая по-английски называется «джей».

5

Место, где хранится золотой запас США.

6

Объединенное название южных штатов США.

7

Набрасывание подковообразных бит на столбик.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/dzhon-grishem/posledniy-prisyazhnyy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)